

БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА,
епископа гипонинскаго,
ПРОТИВЪ АКАДЕМИКОВЪ
ТРИ КНИГИ.
КНИГА ПЕРВАЯ.

Въ предисловии этой книги блаженный Августинъ убъждаетъ Романіана иматься философією, а въ самой книгѣ излагаетъ три составленія, въ которыя вступилъ сынъ Романіана Лицциній съ Грисциемъ. Первый, державшій сторону Академиковъ, утверждалъ, что блаженная жизнь состоитъ въ самомъ излѣдованіи истины, а другой, напротивъ, не въ излѣдованіи, а только въ познаніи истины. Въ предметъ спора входить и опредѣленіе заблужденія, равно какъ и опредѣленіе мудрости, которая различается съ особымъ обстоятельствомъ

ГЛАВА 1.

Убъждаетъ Романіана предаться истинной философіи.

О еслибы, Романіанъ, добродѣтель могла пригодною себѣ человека отбирать у противоцѣствующей ей фортуны такъ, что не позволяла бы послѣдней нікого отнимать у себя снова! Она безъ сомнѣнія уже наложила бы на тебя

руку, провозгласила бы тебя человекомъ вольнымъ и ввела бы во владѣніе имуществомъ самымъ благопачежнымъ, чтобы не допускать рабобѣнствовать даже и счастливымъ служанностямъ. Но по грѣхамъ ли нашимъ, или по естественной необходимости устроено такъ, что присущи смертнымъ божественный духъ никомъ образомъ не входитъ въ таванъ мудрости, гдѣ не тревожило бы его ни противное, ни благоприятное дуповеніе фортуны, если не введетъ его въ ту таванъ сама же фортуна, счастливая ли то, или кажуцаяся несчастною. Поэтому намъ не остается ничего другаго, кромѣ молить за тебя, которымъ мы испросили бы, если можемъ, у некуцающаго о томъ Бога, чтобы Онъ возвратитъ тебя самому себѣ; ибо тебя самымъ Онъ легко возвратитъ тебя и намъ, и возводитъ твоему уму, который уже давно сдва имѣетъ чѣмъ дышать, выбратъ наконецъ на воздухъ истинной свободы. Вѣдь возможно, что то, что обыкновенно называется фортуною, управляется и некоторымъ сокровеннымъ повелѣніемъ,—и случаемъ въ событіяхъ мы называемъ не что другое, какъ то, оспораніе и причина чего для насъ таковы, и ничего не случается выгоднаго или невыгоднаго въ частности, что не было бы соизвѣсно и соображено съ общимъ. Эту мысль, высказанную въ основнѣхъ положеніяхъ самыхъ плодотворныхъ учени и весьма удаченную отъ пониманія людей непосвященныхъ, и общаешь доказать своимъ истиннымъ любителямъ философіи, къ которой и приглашаю тебя. Поэтому, если и случается съ тобою многое, недостойное твоего духа, не презирай самого себя. Ибо, если божественное проищѣіе простирается и на насъ,—въ чемъ сомнѣваться не слѣдуетъ,—то повѣрь мнѣ съ тобою такъ и должно дѣлаться, какъ дѣлается "такъ, когда ты съ такими природными своими свойствами, которыми я всегда удивляюсь, съ первыхъ дней юности неподдерживаемою разумомъ и скользкою стезею вертунуть къ

человѣческую жизнь, переполненную всякими заблужденіями, — водоворотъ богатствъ охватилъ тебя, и сталъ погонять въ обольстительныхъ омутѣхъ тотъ возрастъ и духъ, который съ радостію слѣдовалъ всему, что казалось прекраснымъ и честнымъ; и только тѣ духовенныя фортуны, которыя считаются несчастіями, почти утѣшительнаго извѣстия тебѣ отсюда.

Идѣ еслибы тебѣ, когда бы ты довелъ бою мечъ бденъ и никогда невиданный на нѣхъ нашими гражданами зрѣлища, всегда встрѣчалъ омушнительное рукоприкладство театра; если бы дружнѣе и единодушнѣе толпы слухныхъ людей, которыхъ толпа безмѣрна, презиравши тебѣ до побѣды; еслибы никто не осмѣлился быть тебѣ врагомъ; еслибы муниципальныя табулы объявляли тебѣ мѣдными письменами вѣнчаніемъ не только гражданъ, но и сосѣднихъ округовъ; воздвигались бы тебѣ статуи, текли почести, придавались степени власти, презиравшій обѣщать сласти муниципальной: устроились ручные столы для ежедневныхъ пирушествъ; еслибы каждаго, кому что необходимо, и даже кому что желательно для наслажденія, безъ отказа безъ просить, безъ отказа получать, а многое раздавалось бы и не просищимъ; и хозяйственно, тщательное и добросовѣстно управляемое твоими приставами, оказывалось бы достаточнымъ и готовымъ на удовлетвореніе такихъ издержекъ; а самъ ты проводить бы между тѣмъ жизнь въ изящнѣйшихъ громадахъ зданій, въ роскоши бань, въ играхъ, чести непротивныхъ, изохотахъ, изощреніяхъ; слышалъ бы на устахъ клиентовъ, на устахъ гражданъ, на устахъ законоучителейъ народовъ, челоуѣколюбивѣйшихъ, щедрѣйшихъ, красивѣйшихъ, счастливейшихъ, какимъ бы и былъ: кто тогда осмѣлился бы именовать тебѣ, Романіанъ, о другой блаженной жизни, которая одна только блаженна? Кто, спрашиваю? Кто могъ бы убѣдить тебя, что ты не только не былъ счастливъ, но

былъ тѣмъ болѣе жалокъ, чѣмъ менѣе такимъ казался себѣ? Теперь же, благодаря такимъ и столькимъ перепесеннымъ тобою несчастіямъ, какъ коротки для тебя увѣщанія! Чтобы убѣдить тебя, какъ непостоянно, непрочно и полно бѣдственъ все то, что смертные считаютъ благами, примѣровъ далекихъ не нужно: до известной степени ты такъ хорошо испыталъ это самъ, что твоимъ примѣромъ мы можемъ убѣждать другихъ.

Итакъ то, то твое, въ силу чего ты стремился всегда къ прекрасному и честному, въ силу чего ты хотѣлъ лучше быть щедрымъ, чѣмъ богатымъ, въ силу чего ты никогда не желалъ быть болѣе могущественнымъ, чѣмъ справедливымъ, никогда не поддавался бѣдствіямъ и мерзостямъ,—то самое, говорю, божественное, что было усилено въ тебѣ, не знаю—какимъ спомъ этой жизни и какою лѣтартією, таинственное провидѣніе опредѣлило пробудить оными разнообразными и суровыми потрясеніями. Пробудись же, пробудись, прошу тебя! Повѣрь мнѣ, ты будешь много благодарить, что никакими почти благополучіями, которыми улаваются неосторожные, тебѣ не польстили дары этого міра,—дары, которые готовы были уловить и мени самого, всегда ими плѣнявшіагося, еслибы боль душевная не принудила меня отвергнуть подверженный вѣтрамъ образъ жизни и невать убѣжища въ пѣдрахъ философіи. Это она теперь литасть и грѣсть меня въ покоѣ, котораго мы такъ сильно желали. Это она освободила меня вполне отъ того суетвѣрія, въ которое я опрометчиво увлекалъ и тебя вмѣстѣ съ собою. Ибо это она учить, и учить справедливо, не почитать рѣшительно ничего, а презирать все, что только ни зрится очами смертныхъ, чего только ни касается какое либо чувство. Это она обѣщаетъ показать съ ясностію Бога истиннѣйшаго и таинственнѣйшаго, и вотъ—вотъ какъ бы обрисовываетъ уже Его въ свѣтломъ туманѣ.

Въ усердныхъ занятіяхъ съ проводишь со мною время нашъ Лиценцій. Отъ юности своихъ обольщеніи и наслажденіи оны всенѣло обратилия къ ней: такъ что я не безъ основанія рѣшаюсь предложить его для подражанія его отцу. Ибо если на кого, то не на философію станеть жаловаться: какой бы то ни было возрастъ за устраненіи отъ нея сощелъ. А чтобы побудить тебя охотѣе за нее взяться и черпать изъ ней, я, хотя и хорошо знаю твою жажду, обещалъ однакоже послать тебѣ лишь кусочекъ для отѣдыанья, и прошу не обмануть моей надежды, что кусочекъ этотъ будетъ для тебѣ весьма приятнымъ и, такъ сказать, возбуждающимъ аппетитъ. И послалъ тебѣ записанное изъ писемъ составленіе, которое вли: между собою Тристанъ и Лицаній. Ибо и перваго юному насколько привлекла было къ себѣ служба, какъ бы для освобожденія отъ скуки учены, настолько же возвратила нѣмъ пламеннѣйшимъ и неустаннымъ ревнителемъ великихъ и почтенныхъ знаменъ. Итакъ, спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ мы стали жить въ деревнѣ, когда, расположивъ вѣдушенія ихъ къ занятіямъ, я увидѣлъ ихъ даже болѣе, чѣмъ прежде, готовыми къ этимъ занятіямъ и страстно къ нимъ стремившимися: то и захотѣлъ испытать, что они могутъ по своему возрасту, тѣмъ болѣе, что Гортензій Цицерона, казалось, уже въ значительной мѣрѣ ознакомилъ ихъ съ философіею. Возвѣвши писца, чтобы трудъ нашъ не былъ разсѣянъ рѣтротъ, я не допустилъ погибнуть ничему. Въ этой книгѣ ты прочитаешь дѣйствительный ходъ дѣла и сужденія ихъ, равно какъ слова мои и Аминія.

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА

ГЛАВА II.

С о с т я з а н і е 1.

Для жизни блаженной необходимо ли познание истины, или только—исследование ея.

Итакъ, когда по приглашенію моему сошлись мы все для этого въ одно мѣсто, нашедши удобный случай я сказалъ: сомнѣваетесь ли вы въ томъ, что намъ должно знать истину?—Несколько, отвѣчать Тригедій; а остальные выразили свое одобреніе ему знаками.—А если, говорю я, мы можемъ быть блаженными и не познавъ истины: считаете ли вы познание истины необходимымъ?—На это Амицій сказалъ: Я полагаю, что мнѣ удобнѣе быть судьей въ этомъ вопросѣ. Мнѣ предстоитъ вѣтъ въ городѣ; а потому мнѣ слѣдуетъ освободить себя отъ обязанности принять ту или другую сторону; такъ какъ обязанность судьи я могу передать кому бы то ни было легче, чѣмъ обязанность защитника той или иной стороны. Поэтому ни для какой изъ двухъ сторонъ не ждите отъ меня ничего.—Когда все предоставили ему это, и я повторилъ вопросъ, Тригедій сказалъ: Быть блаженными мы дѣйствительно желаемъ; и если можемъ достигнуть этого безъ истины, то искать истины намъ нѣтъ нужды.—Какъ это такъ, говорю я? Ужъ не думаете ли вы, что мы можемъ быть блаженными, даже не познавши истины?—Тогда Ингенцій сказалъ: Можемъ, если истину будемъ искать.—Когда при этомъ я настойчиво потребовалъ мнѣнія остальныхъ, Назарій отвѣчалъ: Я склоняюсь на сторону сказаннаго Ингенціемъ. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ жизнь блаженная въ томъ именно и состоитъ, чтобы жить изслѣдованіемъ истины.—Тригедій же сказалъ: Опредѣли, въ чемъ состоитъ блаженная жизнь, чтобы на основаніи этого мнѣ сообразить, что слѣдуетъ

отвѣчать.—Неужели ты думаешь, говорю я, что жить блаженно значитъ что другое, а не жить согласно тому, что есть въ человѣкѣ наилучшаго?—Я не буду, отвѣчалъ онъ, напрасно терять словъ: я полагаю, что ты же долженъ опредѣлить мнѣ, что это—самое наилучшее.—Кто усумнится, говорю я, что наилучшее въ человѣкѣ есть не иное что, какъ та часть души его, которая въ немъ господствуетъ и которой все остальное въ человѣкѣ должно повиноваться? А чтобы ты не потребовалъ еще новаго опредѣленія.—такую частію можетъ назваться умъ или разумъ. Если же ты несогласенъ съ этимъ, попытайся блаженную жизнь или наилучшее въ человѣкѣ опредѣлить самъ.—Согласенъ, сказалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, говорю я, возвратимся къ предмету. Представляешь ли ты себѣ, что можно 'жить блаженно и не нашедши истины, лишь бы только некая се?—Я повторю, отвѣчалъ онъ, свое прежнее положеніе: Я отнюдь не представляю этого. — А вы, говорю, какъ думаете?—Тогда Лиценцій сказалъ: Мнѣ кажется, что можно вполнѣ: потому что предки наши, которыхъ мы знаемъ за людей мудрыхъ и блаженныхъ, жили хорошо и блаженно въ силу того только, что искали истину.—Благодарю, сказалъ я, что сдѣлали меня судьей вмѣстѣ съ Алипіемъ, которому, признаюсь, я сталъ было завидовать. Итакъ, поелику одному изъ васъ кажется, что блаженная жизнь можетъ быть достигнута однимъ изслѣдованіемъ истины, а другому—не иначе, какъ обрѣтеніемъ истины, Навицій же не за долго передъ этимъ заявилъ, что хочетъ перейти на твою, Лиценцій, сторону: то я жду съ нетерпѣніемъ, какими вы окажетесь защитниками своихъ мнѣній. Ибо предметъ этотъ великой важности, и весьма заслуживаетъ тщательнаго изслѣдованія.—Если предметъ великой важности, замѣтилъ Лиценцій, то требуетъ и мужей великихъ.—Не ищи, говорю

БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА

я, особенно въ этомъ городѣ того, что трудно найти въ какой бы то ни было странѣ; а лучше поясни смыслъ сказаннаго тобою, полагаю, не наобумъ, и на какомъ основаніи тебѣ такъ кажется. Ибо предметы и величашней важности, когда изслѣдываются людьми небольшими, дѣлаются обыкновенно и малыхъ великими.

ГЛАВА III.

Защищается мнѣніе Академиковъ, что блаженство заключается въ изслѣдованіи истины. — Что такое заблужденіе

Лиценцій сказалъ: Такъ какъ ты, вижу я, настойчиво побуждаешь насъ вступитъ во взаимное состязаніе,—что, надѣюсь, дѣлается изъ желанія пользы,—то спрашиваю: почему бы не могъ быть блаженнымъ тотъ, кто ищетъ истины, хотя бы ее и не нашелъ?—А потому, отвѣчалъ Тригемій, что отъ блаженнаго мы требуемъ совершенства, мудрости во всемъ. Кто же еще только ищетъ, тотъ не совершенъ. Поэтому я рѣшительно не понимаю, какъ представляешь ты такого блаженнымъ.—На это тотъ возразилъ: Можешь для тебя имѣть значеніе авторитетъ предковъ?—Не всѣхъ, сказалъ Тригемій.—Кого же изъ нихъ именно?—А тѣхъ, которые были мудрыми.—Тогда Лиценцій сказалъ: Считаешь ли ты мудрымъ Карнеада?—И не грекъ, отвѣчалъ этотъ, не знаю, кто такой былъ этотъ Карнеадъ.— Въ такомъ разѣ, сказалъ Лиценцій, что думаешь ты о нашемъ знаменитомъ Цицеронѣ?—Послѣ долгаго молчанія, этотъ отвѣчалъ: Онъ былъ мудръ.—Тогда тотъ: Итакъ мнѣніе его по данному предмету имѣетъ для тебя какойнибудь вѣсъ?—Имѣетъ, говоритъ.—Такъ выслушай же его въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть; ибо я думаю что это ускольз-

нуло изъ твоей памяти. Намъ Цицеронъ полагать, что блаженъ тотъ, кто изслѣдываетъ истину, хотя бы и не былъ въ силахъ достигнуть открытiя ея.—Гдѣ же такъ сказалъ Цицеронъ, возразилъ этотъ?—На это Лиценцій: Кому не извѣстно, что онъ съ особою силою утверждаетъ, что воспрiять ¹⁾ человекъ не можетъ ничего, и что мудрому не остается ничего, кромѣ тщательнѣйшаго изысканiя истины, потому что, если бы онъ принималъ на вѣру то, что неизвѣстно, не могъ бы освободиться отъ заблужденiя; а это со стороны мудраго величайшая ошибка? Почему, если мудраго необходимо считать блаженнымъ, а настоящийъ удѣлъ мудрости есть одно только изслѣдыванiе истины: то почему бы мы усумнились назвать жизнь блаженною, хотя бы она становилась таковою сама по себѣ чрезъ самое изслѣдыванiе истины?

Тогда этотъ: А можно ли возвратить назадъ необдуманно сдѣланную уступку?—На это я замѣтилъ: Тому обыкновенно не дозволяютъ этого, кто вступается въ споры не изъ желанiя найти истину, а изъ ребяческаго легкомыслия. Но я, особенно во вниманiи къ тому, что вы находитесь въ состоянiи воспитанiя и обученiя, не только дозволяю, но и желаю, чтобы вы приняли за правило возвращаться къ обсужденiю того, въ чемъ сдѣлали не вполне обдуманную уступку.—И Лиценцій сказалъ: Я считаю не малымъ успѣхомъ въ философiи, когда ведущiй споръ ставить побѣду ни во что въ сравненiи съ открытiемъ правды и истины. Поэтому я охотно сдѣлаю твоимъ правиламъ и мнѣнию и, такъ какъ это отъ меня зависитъ, дозволяю Тригемію возвратиться къ тому, что онъ считаетъ уступленнымъ съ его стороны необдуманно.—Тогда Алий: Согласитесь сами, что до выпол-

¹⁾ Percipere. Разумѣется воспрiятіе въ сознаніе внѣшней дѣйствительности въ актѣ познанiя.

пени мною принитыхъ на себя обязанностей ещѣ не дошла очередь. А между тѣмъ прежде еще задуманнѣе побѣжда выпуждаетъ меня прервать ихъ отправленіе. Поэтому принявшій вмѣстѣ со мною обязанность судьи мѣсть не откажется до моего возвращенія, выполняя обязанность и за меня, располагать удвоенною властью; ибо я вижу, что споръ затянется надолго.—Когда онъ ушелъ, Лиценцій сказалъ: Говори, въ чемъ ты сдѣлаешь необдуманную уступку?—Тотъ отвѣчалъ: Я необдуманно согласился, что Цицеронъ былъ мудрымъ.—Какъ, не былъ мудрымъ Цицеронъ, которымъ философія на языкѣ латинскомъ и пачата, и покончена?—Если и согласусь, что онъ былъ мудрымъ, отвѣчалъ тотъ, тѣмъ не менѣе одобряю у него не все.—Но ты долженъ отвергнуть и многое другое у него, чтобы не показаться безстыдно порицающимъ то, о чемъ идетъ рѣчь.—А если я готовъ утверждать, что онъ только это понималъ не правильно? Полагаю что для васъ важно лишь то, какого вѣса представляю я доказательства въ пользу того, что хочу утверждать.—Продолжая, сказалъ онъ.—Ибо что осмѣлюсь я возражать тому, кто объявляетъ себя противникомъ Цицерона, прибавилъ онъ.

Тогда Тригидій сказалъ: Я хочу обратить вниманіе твое, нашъ судья, на то, какъ опредѣнилъ ты выше блаженную жизнь; ты сказалъ, что блаженъ тотъ, кто живетъ тою частію души, которой прилично повелѣвать остальными. Тебя же, Лиценцій, прошу по крайней мѣрѣ въ томъ уступить мнѣ (ибо во имя той свободы, которую философія общаетъ намъ обезпечивать по преимуществу, я уже сбросилъ его авторитета), что тотъ, кто только ищетъ истину, не есть еще совершенъ.—На это онъ, послѣ долгаго молчанія, отвѣчалъ: Не уступаю.—Тригидій: Объясни, пожалуйста, почему? Я слушаю и весьма желаю узнать, какимъ образомъ человѣкъ можетъ быть совершеннымъ, и въ тоже

время—еще искать только истины —На это онъ отвѣчалъ: Признаю, что недостижимъ цѣли не есть совершенъ. Но полагаю, что одну истину знаетъ одинъ только Богъ, и можетъ быть узнаеть душа человѣка, когда оставитъ это тѣло, т. е. эту мрачную темницу. Но цѣль человѣка—совершеннымъ образомъ искать истины; и мы называемъ его совершеннымъ, но совершеннымъ—какъ человѣка.—Тригедій: Итакъ человѣкъ блаженнымъ быть не можетъ. Да и какъ могъ бы, когда онъ не въ силахъ достигнуть того, къ чему всамымъ стремится? Но человѣкъ можетъ жить блаженно, если можетъ жить тою частію души, которой слѣдуетъ господствовать въ человѣкѣ. А потому можетъ находить и истину. Или же пусть онъ сдерживаетъ себя и не стремится къ истинѣ, чтобы не быть по необходимости несчастнымъ, когда не будетъ въ состояніи достигнуть ее. — Но это самое, возразилъ тотъ, и составляетъ блаженство для человѣка—совершеннымъ образомъ искать истины. Это и значить—достигать цѣли, даѣе которой идти нельзя. Почему тотъ, кто ищетъ истины менѣе настойчиво, чѣмъ слѣдуетъ искать, цѣли человѣческой не достигаетъ. А кто прилагасть къ изысканію истины столько старанія, сколько человѣкъ можетъ и долженъ прилагать, тотъ блаженъ, хотя бы се и не нашель. Ибо онъ едвамалъ все, что едвамалъ онъ рождень. Если же имѣть открытія истины, имѣть того, чего не дала природа. Наконецъ, если человѣку необходимо быть или блаженнымъ, или несчастнымъ: то не будетъ ли ложью называть несчастнымъ того, кто дни и ночи, насколько можетъ, трудится надъ изыскываніемъ истины? Итакъ онъ будетъ блаженнымъ. За тѣмъ, тоже самое опредѣленіе, какъ думаю я, оказывается болѣе полезнымъ для меня. Ибо, если блаженъ, какъ и дѣйствительно блаженъ, тотъ, кто живетъ тою частію души, которой прилично повелѣвать остальными; а часть эта называется раз-

уюмъ: то, спрашиваю, — неужели не живешь разумомъ тотъ, кто совершеннымъ образомъ ищетъ истины? Если же это истинность, то зачѣмъ сомнѣваться назвать блаженнымъ человѣка въ силу одного только изслѣдыванія истины?

— Миѣ же, сказать этого, кажется, что и разумомъ не живешь, и вовсе не блаженъ тотъ, кто заблуждается. Заблуждается же всякій, кто всегда ищетъ и не находитъ. Почему тебѣ трудно доказать одно изъ двухъ, или что заблуждающій можетъ быть блаженнымъ, или что тотъ не заблуждается, кто никогда не находитъ чего искать. — На это тотъ: Блаженный заблуждаться не можетъ. И послѣ долгого молчанія, прибавилъ: Тотъ не заблуждается, кто ищетъ; ибо для того онъ совершеннымъ образомъ и ищетъ, чтобы не заблуждаться. — Тригений же возразилъ: Правда, онъ ищетъ, чтобы не заблуждаться; но заблуждается, потому что не находитъ. Ты же подумай, что для тебя будетъ полезно то, что онъ не желаетъ заблуждаться: какъ будто никто не заблуждается по неволѣ, или заблуждается кто нибудь вообще, кромѣ заблуждающагося невольно. — Тогда тотъ долго замедлялъ отвѣтомъ, и сказалъ: Вамъ слѣдуетъ опредѣлить, что такое заблужденіе? Тогда самъ легче будетъ видѣть границы этого блужданія, въ которое вы уже вступились. — Я, отвѣчалъ Лиценцій, неспособенъ ни къ какимъ опредѣленіямъ, хотя заблужденіе легче опредѣлить, чѣмъ положить ему предѣлы *). — А и, сказалъ другой, опредѣляю; потому что для меня это несравненно легче, благодаря не способностямъ, а правотѣ защищаемого мною положенія. Заблуждаться значить — всегда только искать и никогда не находить. — Еслибы мнѣ, отвѣчалъ Лиценцій, удалось легко опро-

*) Трудно передаваемая на русскомъ игра словъ: *definire facilius quam finire*.

вергнуть это опредѣленіе, и вполне защитилъ бы свое мнѣніе. Но такъ какъ или этотъ предметъ труденъ самъ по себѣ, или такимъ онъ представляется мнѣ, я попрошу васъ отложить вопросъ до завтрашняго дня, если сегодня, размысливъ надъ нимъ внимательно самъ съ собою, я не найдусь, что отвѣчать.—Такъ какъ я полагалъ, что ему слѣдовало сдѣлать эту уступку, и другіе тому не противорѣчили, то мы встали, чтобы идти на прогулку; и въ то время, какъ мы шли между собою множество разговоровъ о разныхъ вещахъ, онъ былъ погруженъ въ размышленія. Почувствовавъ же безполезность ихъ, онъ пожелалъ облегчить душу и вмѣшался въ нашъ разговоръ. Послѣ, когда уже вечерѣло, они возобновили было споръ; но я прекратилъ его и убѣдилъ ихъ отложить его до другаго дня. Затѣмъ отирались въ бани.

ГЛАВА IV.

С о с т я з а н і е 2.

Когда на другой день мы успѣли съединиться, я сказалъ: Продолжите вчера начатое.—Тогда Лиценцій сказалъ: Если не ошибаюсь, мы отложили споръ по моей просьбѣ, такъ какъ опредѣленіе заблужденія было для меня очень трудно.—На этотъ разъ, говорю я, ты дѣйствительно не ошибаешься, и я желаю искренно, чтобы это было твоимъ добрымъ предзнаменованіемъ для послѣдующаго.—Итакъ выслушай сказалъ онъ, что сказалъ бы я и вчера, еслибы ты не прервалъ спора: заблужденіе, по моему мнѣнію, есть утвержденіе лжи за истину. Въ него никогда не впадетъ тотъ, кто полагаетъ, что истину всегда слѣдуетъ искать. Ибо лжи никогда не можетъ утверждать тотъ, кто ничего не утверждаетъ. Поэтому онъ не можетъ и заблуждаться; а быть блаженнымъ можетъ весьма легко. Чтобы далеко не

ходить за примѣрами: если бы намъ самимъ можно было жить каждый день также, какъ жили вчера, — я не вижу причины, почему бы мы могли усумниться называть себя блаженными. Ибо мы провели время въ великомъ покоѣ сердцемъ, освободивъ духъ отъ всякой грязи тѣлесной, удалившись до возможной степени отъ огня страстей. и давая, насколько человѣку возможно, занятіе разуму, т. е. живя именно тою божественною частію души, въ которой, по установленному между нами вчера опредѣленію, заключается блаженная жизнь; хотя, какъ думается мнѣ, мы не падали ничего, а только искали истины. Итакъ блаженная жизнь можетъ быть достигаема человѣкомъ посредствомъ одного изслѣдованія истины, хотя бы найти ее онъ рѣшительно не могъ. Ибо обрати вниманіе, съ какою легкостью устранился твое опредѣленіе общимъ воиніемъ. Ты сказалъ, что заблуждаться значитъ — всегда некая и никогда не находить. Но если кто не ищетъ ничего, а будучи спрошенъ, примѣръ, дежь ли теперь, — ни съ того ни съ сего вообразить вдругъ, что теперь почь, и такъ отвѣтить? Неужели ты не найдешь, что онъ заблуждается? Этотъ родъ заблужденія, самый многочисленный, не обняло твое опредѣленіе. А если притомъ оно обнимаетъ и незаблуждающихъ, то какое еще другое опредѣленіе можетъ быть неправильнѣе его? Если кто старается добратся до Александрии и направляется къ ней привычнымъ путемъ: думаю, что ты не можешь назвать его заблуждающимъ. А если онъ, задерживаемый разными случайными препятствіями, проведетъ въ дорогѣ долгое время и будетъ застигнутъ въ ней смертію? Развѣ онъ не всегда искалъ, и никогда не находилъ; и однакожь не заблуждался? — Онъ не всегда искалъ, возразилъ тотъ.

— Ты правду говоришь, отвѣчалъ Лиценцій, и кстати дѣлаешь замѣчанія. Поэтому-то твое опредѣленіе совершенно не идетъ къ дѣлу. Я вѣдь не сказалъ, что блаженъ тотъ,

кто всегда ищетъ истину. Да это и невозможно; во первыхъ потому, что человѣкъ существуетъ не всегда; во вторыхъ и потому, что не съ перваго же мгновенія, какъ начинается быть человѣкомъ, онъ уже и можетъ, встрѣвая препятствія со стороны возраста, искать истину. А если ты полагаешь, что выраженіе—всегда, нужно употребить въ такомъ случаѣ, если онъ не дастъ потеряться ни одной минутѣ времени съ тѣхъ поръ, какъ уже можетъ искать: то тебѣ снова слѣдуетъ обратиться къ Александріи. Представь, что кто нибудь съ того времени, какъ возрастъ или занятія дозволили ему предпринять путь, пустился въ означенную дорогу, и хотя не сбиваясь съ нея никогда, однако умеръ прежде, чѣмъ прошелъ ее. Ты будешь въ полномъ заблужденіи, если вообразишь, что онъ заблуждался; хотя онъ все время, какое могъ, не переставалъ искать, но къ чему стремился, того найти не могъ. Итакъ, если мое представленіе о дѣлѣ вѣрно, и если, согласно съ нимъ, не заблуждается тотъ, кто совершеннымъ образомъ ищетъ истину, хотя бы ее и не находилъ, и блаженъ, потому что живетъ согласно съ разумомъ; а твое опредѣленіе опровергнуто; да еслибы и было опровергнуто,—не должно обращать на себя много вниманія, какъ скоро дѣло достаточно подтверждено однимъ тѣмъ опредѣленіемъ, какое сдѣлалъ я: то, спрашиваю, неужели еще не рѣшенъ споръ между нами?

ГЛАВА V.

Что такое мудрость.

На это Тригесій сказалъ: Согласенъ ли ты, что мудрость есть прямой путь жизни?—Согласенъ, отвѣчалъ онъ, безъ всякаго сомнѣнія; но однакоже я хочу, чтобы ты опредѣлилъ мнѣ мудрость, чтобы знать, то ли имѣешь о ней представленіе ты, какое и я.—Тотъ сказалъ: Неужели она

кажется тебѣ недостаточно опредѣленною самымъ вопросомъ, который тебѣ предложенъ теперь? Ты даже и согласился съ тѣмъ, чего я хотѣлъ. Если я не ошибаюсь, прямой—то путь жизни вполнѣ вѣрно и называется мудростію.—На это Лиценцій отвѣчалъ: Ничто мнѣ не кажется такъ смѣшнымъ, какъ это опредѣленіе.—Можетъ быть, сказалъ тотъ; но я потихоньку попросилъ бы тебя, чтобы смѣху твоему предшествовалъ разумъ: потому что ничего нѣтъ постыднѣе смѣха, который самъ заслуживаетъ насмѣшки.—Почему такъ, разскажи онъ? Развѣ ты не признаешь, что смерть противоположна жизни?—Признаю, отвѣчалъ тотъ.—Ну такъ я, сказалъ онъ, не считаю путемъ жизни никакаго другого пути, кромѣ того, которымъ идетъ каждый, чтобы избѣжать смерти.—Тригерій съ этимъ согласился.—Итакъ, если какой нибудь путникъ, избѣгая поворота съ дороги,—такъ какъ слышалъ, что поворотъ этотъ держится разбойниками въ засадѣ,—будетъ идти прямо по дорогѣ, и такимъ образомъ избѣжитъ опасности: то не будетъ ли онъ слѣдовать путемъ жизни и путемъ прямымъ; и однакоже этого пути никто не назоветъ мудростію? Какимъ же образомъ послѣ этого всякій прямой путь жизни будетъ мудростію? Я согласился, что мудрость есть такой путь, но не одинъ онъ—мудрость. Опредѣленіе не должно обнимать ничего чуждаго предмету. Итакъ опредѣли снова, если угодно, что такое, по твоему мнѣнію, мудрость.

Тотъ долго молчалъ. Потомъ сказалъ: Опредѣлю, пожалуй, снова, если ты порѣшилъ не ставить этому предѣла. Мудрость есть прямой путь, ведущій къ истинѣ.—И это, отвѣчалъ онъ, одинаково опровергается. Ибо у Виргилія мать говорить Энею:

Только иди, и куда поведетъ тебя путь, направляя свой шагъ.

Слѣдуя этимъ путемъ, онъ доходитъ туда, куда сказано, т. е. къ истинѣ: Наставляй, если угодно, что можно назвать мудростію то, куда ставить онъ ногу. Впрочемъ, я дѣлаю совершенную глупость, стараюсь опровергнуть это опредѣленіе твое: потому что оно какъ нельзя болѣе подтверждаетъ мое мнѣніе. Ибо мудростію ты называлъ не самую истину, а путь, ведущій къ ней. Поэтому, кто пользуется этимъ путемъ, тотъ вѣрнѣе пользуется мудростію; а кто пользуется мудростію тотъ необходимо и мудръ. Итакъ мудрымъ будетъ тотъ, кто совершеннымъ образомъ ищетъ истину, хотя до ней еще не достигъ: ибо поцъ путемъ, ведущимъ къ истинѣ, по мнѣнію моему, ничего нельзя разумѣть лучше, какъ тщательное изслѣдованіе истины. Итакъ пользующійся однимъ путемъ этимъ потому самому будетъ уже мудрымъ; а никто мудрый не можетъ быть несчастнымъ; всякій же человѣкъ или несчастенъ, или блаженъ. Слѣдовательно блаженнымъ дѣлаетъ не только открытіе истины, но и изслѣдованіе ея, само по себѣ взятое.

Тогда тотъ, съѣхавъ, сказали: Но дѣломъ это мнѣ, за то, что я довѣрчиво дѣлаю угодное своему противнику: какъ будто я въ опредѣленіяхъ весьма силенъ, или считаю что нибудь въ спорѣ болѣе диннымъ. Ибо будетъ ли какой конецъ, если и я въ свою очередь потребовалъ бы, чтобы ты опредѣлилъ что нибудь; а потомъ сталъ бы наставлять, дѣлая видъ, что ничего не понимаю, чтобы ты опять опредѣлялъ слова того же опредѣленія и всѣ выступающія изъ него слѣдствія, каждое-особе? Чего въ самомъ дѣлѣ не въ правѣ я заставить опредѣлить наиспѣйшимъ образомъ, если отъ меня требуютъ опредѣленія мудрости? Ибо в какомъ другомъ предметѣ природа вложила въ наши умы болѣе ясное понятіе, какъ о мудрости? Однакоже,—не знаю, какъ это случается,—едва это понятіе какъ бы выйдеть изъ гавани нашего ума, едва какъ бы втянется себѣ нару-

са словъ, тотчасъ встрѣчать тысячи кораблекрушеній, въ видѣ порицаній. Поэтому, или опредѣленіе мудрости пусть не требуется, или пусть нашъ судья приметъ его подъ свое покровительство.—Тогда я, принимая во вниманіе, что ночь уже вѣшала записыванію, а съ другой стороны увидѣвъ, что поднимается какъ бы новый вопросъ, требующій весьма серьезнаго обсужденія, отложилъ дѣло до другого дня: потому что мы начали разсужденія, когда солнце склонялось уже къ закату; а день почти весь провели частію въ распоряженіяхъ по деревенскому хозяйству, частію въ пересмотрѣ первой книги Виргилія.

ГЛАВА VI.

С О С Т Я В Л Е Н І Е 3.

Дается опредѣленіе мудрости и осмисливается. Предостановленія Альбацерія.

Едва потомъ разсвѣло, мы приступили тотчасъ же къ продолженію дѣла: ибо такъ было условлено наканунѣ, чтобы имѣть болѣе досуга. Иъсказалъ: Ты, Тригеміи, попробовалъ вчера, чтобы я отъ обязанности судьи перешелъ къ защитѣ мудрости: какъ будто въ вашемъ бесѣдѣ кто либо оказывается противникомъ мудрости, или будучи кѣмъ либо защищаемъ, она такъ терпится, что должна умолять о болѣе сильной помощи! Вѣдь между вами возникъ лишь вопросъ о томъ, что такое мудрость; при чемъ ни одинъ изъ васъ не возстанетъ противъ нея, потому что и тотъ, и другой стремится къ ней. Затѣмъ, если ты считаешь себя несостоятельнымъ для опредѣленія мудрости, то изъ-за этого еще не долженъ оставлять дальнейшей защиты своего мнѣнія. Поэтому отъ меня ты не дождешься ничего другаго, кромѣ

опредѣленія мудрости, которое и не мое, и не новое, а мужей древнихъ; и я удивляюсь, что вы не вспомнили о немъ сами. Вѣдь не въ первый разъ вы слышите, что мудрость есть знаніе вещей человѣческихъ и божественныхъ.

Тогда Лиценцій, который—податаль я—послѣ этого опредѣленія должно будетъ придумывать, что ему сказать, тотчасъ же подхватилъ: Въ такомъ случаѣ я спрошу бы, почему мы не называемъ мудрымъ извѣстнаго разрабѣннаго челоуѣка, который, какъ мы хорошо знаемъ, обыкновенно предавался распутству съ безчисленнымъ множествомъ публичныхъ женщинъ? Я говорю о томъ Аппонцерѣ, который въ продолженіи многихъ лѣтъ давалъ въ Кароленѣ обрацавшимся къ нему съ вопросами нѣкоторые удивительные и вѣрные отвѣты. Я могъ бы припомнить безчисленное множество ихъ, еслибы воль рѣчь не съ тѣми, которые знаютъ ихъ по опыту сами, и еслибы въ настоящемъ случаѣ не было достаточно немногата для той цѣли, какую я имѣю въ виду. Когда не оказалось въ домѣ кохлеарія ¹⁾ и онъ былъ по твоему приказанію спрошенъ, развѣ не отвѣтилъ онъ (говорилъ онъ мнѣ же) скорѣйшимъ и вѣрѣйшимъ образомъ не только чего нѣтъ—но и чѣмъ именно была вещь и гдѣ находилась? Также точно въ моемъ присутствіи,—не говорю уже, что ни въ чемъ рѣшительно онъ не согладалъ, о чемъ его ни спрашивали,—но когда пещинъ денгъи слуга укралъ извѣстную часть ихъ во время нашего пути къ нему, онъ приказалъ ему пересчитать ихъ и принудилъ его на напихъ же глазахъ возвератить украденное, и все это прежде, чѣмъ увидѣлъ эти денгъи самъ или услышалъ отъ насъ, сколько ему было принесено.

Отъ тебя же мы слышали, что ученѣйшій и знаменитѣйшій мужъ Флакціанъ съ удивленіемъ обыкновенно раз-

¹⁾ Кохлеарій—родъ похлѣ.

сказывалъ, какъ онъ, услъжившись о покункѣ имѣнія, обратился къ этому прорицателю, чтобы тотъ сказалъ, если можетъ, что онъ сдѣлалъ. И тотъ въ ту же минуту объявилъ не только родъ сдѣланъ, но даже, о чемъ Флакціанъ говорилъ съ особымъ удивленіемъ, самое названіе имѣнія, до такой степени пелѣное, что его едва удерживалъ въ памяти самъ Флакціанъ. И не могу также безъ крайняго изумленія рассказывать, какъ нашему другу, бывшему ученику, раздумавшему докучать ему, и съ необычною привязчивостію требовавшему сказать, о чемъ онъ самъ съ собою втихомолку размышлялъ, тотъ отвѣчалъ, что онъ держитъ въ мысли стихъ Виргилія. Приведенный въ изумленіе, ученикъ не могъ этого отрицать, и продолжалъ допрашивать, какой это былъ стихъ. И вотъ Альбицерій, который видѣлъ школу грамматикъ развѣ только когда нибудь мелькомъ, проходя мимо, не усумнился спокойно и туго пройтъ самый стихъ. Итакъ, неужели вещи, о которыхъ его спрашивали, не были вещами человѣческими, или онъ безъ знанія вещей божественныхъ отвѣчалъ спрашивающимъ такъ точно и истинно? Но то и другое пелѣно. Ибо и вещи человѣческія суть не иное что, какъ вещи людей, въ родѣ—серебра, монеты, имѣнія, да наконецъ—и самой мысли; и вещами божественными кто сочтетъ ошибкою признать тѣ, которыя даютъ человѣку самую способность предсказанія? Итакъ, Альбицерій былъ мудръ, если допустить опредѣленіе, что мудрость есть знаніе вещей человѣческихъ и божественныхъ.

ГЛАВА VII.

Защита даннаго опредѣленія мудрости.

На это Тригедіа отвѣчалъ: Я не называю того знанія знаніемъ, въ которомъ заставляющій его иногда обманывается. Ибо знаніе состоитъ не только въ вещахъ попи-

тыхъ, но такъ ясно понятыхъ, что въ немъ никогда не долженъ никто ни заблуждаться, ни колебаться, хотя бы и встрѣчалъ возраженія съ чьей либо стороны. Поэтому нѣкоторые философы говорить совершенно вѣрно, что (его нельзя найти нигдѣ комъ, кромѣ мудраго, который долженъ имѣть не только воспріятимъ, но и исполосбѣно содержимымъ въ своемъ сознани то, что созерцаетъ и чему слѣдуетъ. А о томъ, кого ты представлять въ примѣръ, мы знаемъ, что онъ часто говорилъ много ложнаго. Это извѣстно мнѣ не только отъ другихъ, разсказывавшихъ мнѣ; иногда наблюдать это я и самъ лично. Итакъ, неужели я назову его знающимъ, когда онъ часто говорилъ ложь,—его, которого я не называлъ бы знающимъ, еслибы онъ говорилъ и истину, но говорилъ перѣвѣнительно? То, что сказалъ я, отнесите и къ гаруснекамъ, и къ авгурамъ, и ко всѣмъ тѣмъ, которые гадаютъ по звѣздамъ, и къ толкователямъ сновъ. Или укажите, если можете, изъ людей этого рода кого либо, кто, будучи спрошенъ, никогда не сомнѣвался бы въ своихъ отвѣтахъ, никогда наконецъ не давалъ бы отвѣтовъ ложныхъ. Упомянуть о пророкахъ я не считаю съ своей стороны нужнымъ, такъ какъ они говорили чужимъ умомъ.

Далѣе, чтобы согласиться съ тобою, что вещи человѣческія суть вещи людей;—скажи, считаешь ли ты чтонибудь нашимъ изъ того, что можетъ дать намъ или отнять у насъ случай? Или когда говорится о знаніи вещей человѣческихъ, разумѣется ли то знаніе, по которому кто нибудь знаетъ, сколько и какія у насъ имѣны, сколько золота, сколько серебра и сколько наконецъ держимъ въ умѣ чужихъ стиховъ? Истинное знаніе вещей человѣческихъ есть то, которое знаетъ свѣтъ благоразумія, врасоту воздержанія, силу мужества, святость справедливости. Ибо это есть такое, что мы, не боясь никакой фортуны, свѣдо называемъ своимъ. Его-то еслибы изучилъ упомянутый Альбице-

рій, повѣрь мнѣ, никогда не жилъ бы такъ неводержно и безобразно. А что онъ сказалъ, какой стихъ держалъ въ умѣ спрашивавшій его,—то, по моему мнѣнію, и этого не слѣдуетъ считать между нашими вещами. Это не потому, чтобы я отрицалъ нѣкоторую принадлежность нашей душѣ достойнѣйшихъ уваженія знаній, а потому, что пѣть и произносить чужой стихъ дается и самымъ невѣжественнымъ людямъ. И потому, когда нѣчто такое приходитъ намъ на память, не удивительно, что оно можетъ быть ощущаемо нѣкоторыми презрѣннѣйшими воздушными животными, которыхъ зовутъ демонами.—которые, соглашаясь, могутъ превосходить насъ острою и тонкою чувствіемъ, но отрицаю—чтобы превосходили разумомъ. Выпадаетъ же это, не знаю какимъ, таинственнѣйшимъ и для нашихъ чувствъ недоступнѣйшимъ образомъ. Но изъ—за того, что мы удивляемся чуждѣ, неизвѣстно по какому чутью, которыми она превосходить челоуѣка, налетающей отовсюду на поставленный медъ, мы еще не должны ставить ее выше себя, или по крайней мѣрѣ сравнивать съ собою.

Итакъ я скорѣе полагалъ бы, что Альбицерій, будучи спрошенъ, узналъ самые стихи отъ того, кто желалъ отъ него ихъ узнать, или вынужденный кѣмъ либо изъ спрашивавшихъ, пропѣлъ на предметъ ему въ то время предложенный стихи свои собственные. Тоже самое, какъ нерѣдко воспоминаешь ты, часто говорилъ и Флавіанъ, когда съ рѣдкою возвышенностію ума осмѣивалъ и приводилъ въ презрѣніе этотъ родъ гаданія, и принималъ его ни въсть какой инуенѣйшей душою (такъ онъ выражался), благодаря которой, какъ бы возбужденный и исполненный духомъ, онъ обыкновенно отвѣчалъ. Ибо этотъ ученѣйшій мужъ спрашивалъ удивлявшихся подобнымъ вещамъ, можетъ ли Альбицерій учить грамматикѣ, музыкѣ или геометріи? А кто изъ знавшихъ его не зналъ въ тоже время, что во всемъ

этомъ онъ совершеннѣйшій невѣжда? Почему Флакціанъ въ концѣ концовъ убѣждалъ, чтобы изучивше эти науки не колеблясь цѣнили свои души выше того гаданія, и старались свой умъ наставить и подкрѣпить такими знаніями, которыя дадутъ ему возможность претворить оную воздушную натуру невидимыхъ животныхъ и воспарить надъ нею.

ГЛАВА VIII.

Мудръ ли ворожей, и что такое мудрый.

Затѣмъ, если вещи божественныя, въ чемъ согласны все, гораздо лучше и священнѣе вещей человѣческихъ. — Какимъ образомъ могъ постигнуть эти вещи тотъ, кто даже не знаетъ, что онъ такое? Развѣ не считается ли ты звѣзды, которыя мы видимъ ежедневно, чѣмъ либо великимъ въ сравненіи съ истиннѣйшимъ и таинственнѣйшимъ Богомъ, котораго умъ можетъ быть и касаться, но рѣдко, а чувство — никогда, между тѣмъ какъ звѣзды всегда передъ нашими глазами? Итакъ и не эти звѣзды то божественное, что предполагается знающею одна мудрость; все же остальное, чѣмъ пользуются для пустого чванства или для корысти эти невѣсты какіе гадалки, въ сравненіи съ звѣздами гораздо презрѣннѣе. Итакъ Альбинерій не былъ причастенъ знанію вещей человѣческихъ и божественныхъ; а такимъ премою ты бесполезно стараешься подорвать наше опредѣленіе. Наконецъ, если мы должны считать ничтожнымъ и рѣшительно презирать все, кромѣ вещей человѣческихъ и божественныхъ; то скажи, пожалуйста, въ какихъ вещахъ этотъ мудрецъ твой ищетъ истины? — Въ божественныхъ, отвѣчалъ тотъ: потому что добродѣтель, хотя и въ человѣкѣ, безъ сомнѣнія — божественна. — Такъ Альбинерій стало быть зпалъ уже тѣ вещи, которыя твой мудрый всегда только ищетъ? — На это Лиценцій ска-

заль: Да, онъ зпаль вещи божественныя, но не тѣ, которыя должны быть предметомъ исканія для мудраго. Ибо кто, не извращая обычнаго словоупотребленія, усвоить ему гаданія, и въ то же время—отниметь у него вещи божественныя, которыя даютъ имя самому гаданію ¹⁾? Поэтому опосованіе опредѣленіе заключаетъ въ себѣ невѣсть что такое другое, къ мудрости неотносящееся.

Тогда Тригедій сказали: пусть это опредѣленіе защищаетъ, если угодно, тотъ, кто высказалъ это. Я же въ данномъ случаѣ желаю получить отвѣтъ отъ тебя, чтобы перейти наконецъ къ дѣлу. — Служаю, говоритъ онъ. — Полагаешь ли, говоритъ Тригедій, что Альбицерій зналъ истину? — Полагаю, отвѣчалъ тотъ. — Стало бытъ зпаль лучше твоего мудраго?—Нисколько, сказалъ тотъ. Ибо того рода истины, которой ищетъ мудрый, не достигать не только опын сумазбродный ворожей, но и самъ мудрый, пока живетъ въ этомъ тѣлѣ; родъ же тотъ истины таковъ, что гораздо превосходитъ его всегда псать, чѣмъ другой когда либудь находить.—Противъ такихъ толкостей, сказалъ Тригедій, мнѣ необходимо обратиться къ помощи опредѣленія. Если оно показалось тебѣ неправильнымъ потому, что обнимаетъ и того, кого мы не можемъ пазвать мудрымъ, то спрашиваю: одобришь ли его, если мудростію мы назовемъ знаніе вещей человѣческихъ и божественныхъ, но—такихъ, которыя отнесли бы къ жизни блаженной?—Есть и тамъ мудрость, отвѣчалъ онъ, но не одна,—опредѣленіе прежде захватываетъ чужое; но это опускаетъ и свое. Поэтому первое можно упрекать въ жадности, а это въ глупости. Ибо мудрость (чтобы высказать, какъ думаю о предметѣ самъ я, опредѣленіемъ же), по моему мнѣнію, есть не

¹⁾ Гаданіе на латинскомъ—*divinatio*, отъ *divinus*—божественный.

одно знаніе, но и тщательное изслѣдываніе вещей человѣческихъ и божественныхъ, относящихся въ жизни блаженной. Если захочешь раздѣлить это опредѣленіе на части, то часть первая, которая говоритъ о знаніи, относится къ Богу, а та, которая довольствуется изслѣдываніемъ,—къ человѣку. Тою мудростию блаженъ Богъ, а этою человѣкъ.—Тогда тотъ сказалъ: удивляюсь, что твой мудрый, какъ ты утверждаешь, напрасно теряетъ свой трудъ.—Какимъ образомъ онъ теряетъ свой трудъ напрасно, возразилъ Лиценцій, если онъ ищетъ съ такою пользою? Вѣдь потому самому, что онъ ищетъ, онъ мудръ; а чѣмъ онъ мудръ, тѣмъ и блаженъ, потому что, насколько можетъ, высвобождаетъ свой умъ изъ-подъ тѣлесныхъ прикрывшій, и сосредоточивается въ себѣ самомъ, не позволяя терзать себя похотями, а всегда съ спокойнымъ созерцаніемъ обращаясь къ себѣ и къ Богу, чтобы и здѣсь разумно воспользоваться тѣмъ блаженствомъ, которое мы выше признали за таковое, и въ послѣдній день жизни оказаться приготовленнымъ получить то, къ которому особенно стремились, и воспользовавшись прежде блаженствомъ человѣческимъ, насладиться по заслугамъ и блаженствомъ божественнымъ.

ГЛАВА IX.

Заключеніе.

Когда Тригедій долго раздумывалъ, что ему слѣдовало отвѣчать, я сказалъ: не думаю, Лиценцій, чтобы у него не достало доводовъ, если мы дозволимъ ему спокойно поискать ихъ; ибо чего не достаетъ ему, чтобы отвѣчать на какой угодно пунктъ? Послику вопросъ возникъ о блаженной жизни, а блаженный необходимо долженъ быть мудрымъ, такъ какъ глупость, по мнѣнію самихъ же глупыхъ, есть несчастіе: то онъ самъ же первый поставилъ на видъ,

что мудрый долженъ быть совершенъ, а совершеннымъ нельзя назвать того, кто еще только ищетъ, что такое истина; а потому онъ и не блаженъ. Когда ты въ этомъ пунктѣ противопоставилъ ему величіе авторитета, онъ нѣсколько растерялся передъ именемъ Цицерона, но тотчасъ оправился, и съ нѣкоторымъ благороднымъ духомъ независимости ставъ въ положеніе въ высшей степени свободное, возвратилъ себѣ слова то, что было вырвано изъ его рукъ, и спросилъ тебя: считаешь ли ты совершеннымъ того, кто еще ищетъ? Это для того, чтобы, если ты признаешь такого совершеннымъ, возвратиться къ началу, и доказать, если можно, посредствомъ извѣстныхъ опредѣленій, что совершенъ тотъ человѣкъ, который располагаетъ жизнь по закону ума; а чрезъ это доказать и то, что блаженнымъ можетъ быть только совершенный. Когда же ты избѣжалъ этой ловушки съ большею осторожностію, чѣмъ я предполагалъ, и человекомъ совершеннымъ назвалъ тщательнѣйшаго изслѣдывателя истины, и самоуверенно и открыто сталъ защищаться тѣмъ же самымъ опредѣленіемъ, въ которомъ мы называли подъ конецъ блаженною ту жизнь, которая ведется согласно съ разумомъ,—онъ совершенно изложилъ тебя, потому что овладѣлъ самымъ убожищемъ твоимъ, будучи изгнанъ изъ котораго, ты потерялъ бы свое дѣло окончательно, если бы временное прекращеніе спора не дало тебѣ собраться съ силами. Ибо въ чемъ шомъ нашли себѣ убожище академики, мнѣніе которыхъ ты защищаешь, какъ не въ опредѣленіи заблужденія? Если бы тебѣ не пришло это на умъ,—можетъ быть вочью во снѣ,—ты не имѣлъ бы уже что отвѣчать, потому что тоже самое ты говорилъ и прежде, при изложеніи мнѣнія Цицерона. Затѣмъ былъ сдѣланъ переходъ къ опредѣленію мудрости, и когда ты старался опровергнуть его съ такою изворотливостію, что ухищреній твоихъ быть можетъ не постигъ бы и самъ помощникъ твой, Альбидерій,—онъ про-

тивостоялъ тебѣ съ такою бдительностію и съ такими силами, что почти затмилъ и уничтожилъ тебя, если бы въ заключеніе ты не защитилъ себя новымъ своимъ опредѣленіемъ, и не сказали, что человѣческая мудрость состоитъ въ изслѣдываніи истины, изъ котораго, въ силу покоя душевнаго, возникаетъ блаженная жизнь. На послѣднюю твою мысль онъ не станетъ отрицать, особенно—если пожелаетъ, чтобы на дальнѣйшее время дня или на остающуюся часть его и ему въ свою очередь дали покой изъ благодарности.

Но чтобы не затягивать, покончимъ уже, если угодно, этотъ разговоръ, продолжать который я пахожу даже и лишнимъ. Ибо предметъ для предполагаемой цѣли разсмотрѣнъ настолько достаточно, что можетъ закончиться нѣсколькими словами; развѣ я пожелалъ бы только поупражнять васъ, и что особенно важно, поиспытать ваши силы и занятія: ибо рѣшившись побудить васъ всячески къ изысканію истины, я сталъ выспытывать отъ васъ, какъ высоко вы ее цѣните. При этомъ вы все высказали къ ней уваженія столько, что болѣе и могу и не желать. Ибо, если мы желаемъ быть блаженными, а это не можетъ быть иначе, какъ подъ условіемъ или открытія, или по крайней мѣрѣ тщательнаго изслѣдыванія истины: то она должна быть предметомъ нашихъ изысканій преимущественно предъ всеми другими вещами, если мы желаемъ быть блаженными. Почему, какъ я сказалъ, мы уже закончимъ этотъ споръ, и занесемъ его на письмо, прежде всего поплемъ его твоему, Лиценцій, отцу, котораго я уже усилью рѣшительнымъ образомъ расположить къ философіи; но прошу еще фортуны, чтобы онъ дѣйствительно за нее принялся. Когда же онъ узнаетъ не по слуху только, но и самъ прочитавъ это разсужденіе, что ты предался уже ей вмѣстѣ со мною, онъ сильнѣе воспаменится къ занятіямъ этого рода. А ты, если тебѣ, какъ вижу, правятся Академики, приготовь для защиты нѣ-бо-

лѣе сильныя средства; потому что и рѣшился потребовать ихъ къ суду. — Когда это было сказано, насъ извѣстили, что готовы обѣды, и мы встали.

КНИГА ВТОРАЯ.

Снова, съ выраженіемъ благодарности сердечной, прилагаетъ своею Мецената, Романіана, къ занятіямъ философію, и описываетъ ему три сочинзанія, изъ коихъ въ первомъ разъясняются положенія Академиковъ; во второмъ указываются различія древней и новой Академіи, и опровергается мнѣніе этихъ философовъ, которые, хотя и полагали, что истину познать нельзя, однакоже говорили о себѣ, что они слѣдуютъ подобно истинѣ. Въ третьемъ говорится о томъ, что они назвали подобными истинѣ или впрямь истинными.

ГЛАВА I.

Противъ мнѣній Академиковъ нужны помощь Божія.

Если бы какъ необходимо то, что человекъ, не занимающійся наукою и познаніемъ истины, не можетъ быть мудрымъ, также было бы необходимо, чтобы онъ и находить ее, какъ скоро бы искалъ: то конечно вся лояь Академиковъ, или ихъ упрямство, или своеправіе, или (какъ иногда мнѣ кажется) ихъ сообразное своему времени мнѣніе, были бы похоронены вмѣстѣ съ самымъ же временемъ и съ тѣлами тѣхъ же Карнеада и Цицерона. Но вслѣдствіе ли многихъ и различныхъ волненій житейскихъ, какъ испытать это на себѣ и ты, Романіанъ, или по нѣкоторой отчужденности умственныхъ способностей, или по безразсудству, или по тупости собственной коности, или вслѣдствіе отчужденія въ возможности найти, — такъ какъ мерцаніе мудро-

сти не такъ легко зрится умами, какъ этотъ свѣтъ глаза-ми,—или наконецъ въ силу общаго заблужденія народовъ, по которому люди, въ ложномъ мнѣнн о найденной будто-бы ими истинѣ, и не ищутъ ее тщательно—если ищутъ, и отвращаются отъ желанія искать,—происходитъ то, что знаніе ея достигается рѣдко, и не многими. Отъ этого и бывасть, что оружіе Академиковъ, когда съ ними приходится бороться, кажется несподѣдимымъ и какъ бы вулкановымъ не какимъ либо мужамъ посредственнымъ, но и остроумнымъ, и хорошо образованнымъ. Посему противъ оныхъ волненій и бурь фортуны какъ должны мы занесться веслами какихъ либо добродѣтелей, такъ прежде всего должны со всякою преданностію и благочестіемъ молить о божественной помощи, чтобы постоянное стремленіе къ упражненію въ полезныхъ наукахъ удерживало свой курсъ, отъ котораго не ваставилъ бы его уклониться никакой случай, препятствующій ему войти въ безопаснѣйшую и пріятнѣйшую гавань философіи. Это—первый вопросъ для тебя; изъ-за этого и о тебѣ беспокоюсь; отъ этого я желаю тебѣ свободы; поэтому же не перестаю и и ежедневно молить (если только достоинъ, чтобы умолить) о попутныхъ тебѣ вѣтрахъ. Молю же и саму Силу и Мудрость верховнаго Бога. Ибо что Она другое, какъ не Сынъ Божій, о которомъ учать насъ таинства.

Но ты много поможешь моимъ молитвамъ за тебя, если не будешь отчаиваться въ возможности быть намъ услышанными, если приложишь и самъ вмѣстѣ съ нами свое стараніе не только обѣтами, но и доброю волею, и тою естественною высотою ума твоего, ради которой я ищю тебя, которою особенно услаждаюсь, которою всегда удивляюсь, которая въ тебѣ, о преступленіи! залекаивается какъ молнія, облаками частныхъ дѣлъ и скрывается отъ многихъ, почти ото всѣхъ; но отъ меня, отъ другаго и третьяго изъ

ближайшихъ друзей твоихъ она укрыться не можетъ. Мы часто не только явственно слышали твои рыкоты, но и видѣли нѣкоторыя блистапія, свойственныя молніямъ. Ибо кто,—чтобы умолчать до времени объ остальномъ, а припомнить лишь одно,—кто, говоря, такъ неожиданно когда нибудь загремѣлъ и блеснулъ такимъ свѣтомъ ума, чтобы подъ однимъ громовымъ раскатомъ разума, подъ своего рода молніею воздержанія, въ одинъ извѣстный день навсегда умерла похоть, наканушъ самая необузданная? Итакъ, неужели не пробьетъ наружу никогда эта сила, не обратитъ въ ужасъ и оцѣненіе смѣхъ многихъ отчаянныхъ, и проговоритъ на землѣ какъ бы нѣкія знаменія будущаго, снова отбросивъ тяготу тѣлесную, не возвратится на небо? Неужели все это Августинъ сказалъ напрасно о Романіанѣ? Цѣтъ, этого не допустить тотъ, кому я отдался всецѣло, кого теперь я началъ уже узнавать снова.

ГЛАВА II.

Предлагаетъ Романіану услуги благодарной души, и убѣждаетъ его къ занятіямъ философіею.

Итакъ, приступи со мною къ философін. Въ ней есть все, что обыкновенно удивительнымъ образомъ возбуждаетъ тебя, часто грустнаго и сомнѣвающегося. Въ тебѣ я не боюсь встрѣтить ни нравственной безпечности, ни тупости умственныхъ способностей. Ибо, когда удавалось намъ воспользоваться нѣкоторымъ рездыхомъ, кто оказывался бодрѣ тебя въ рѣчахъ, и кто проникательнѣе? Неужели я не отплатю тебѣ благодарностію? Или можетъ быть малымъ я тебѣ обязанъ? Бѣднаго юношу, который шелъ для занятій научныхъ въ чужую сторону, ты принялъ въ домъ, на содержаніе, и что того болѣе—въ расположеніе душевное. Сироту, потерявшаго отца, ты утѣнилъ дружбою, одушевилъ увѣщаніями, поддерживалъ помощію. Въ самой муниципіи нашей по-

кровительствою, дружбою, знакомствомъ съ домомъ твоимъ ты едѣлалъ меня почти одинаково съ собою знаменитымъ и знатымъ. А когда я возвращался въ Карсгенъ для занятія болѣе почетной преподавательской катедры, и не открывая никому изъ своихъ, открылъ свои намѣренія и свои надежды тебѣ, то, хотя ко врожденной тебѣ любви къ родинѣ (ибо тамъ я уже преподавалъ) нѣкоторое время ты и удерживалъ меня, однако потомъ, не будучи въ состояннн побѣдить стремленія юности къ тому, что казалось ему лучшимъ, съ удивительною кротостію благорасположенны обратился изъ отговаривающаго въ помощника. Ты снабждалъ меня на дорогу всѣмъ необходимымъ. Да и тамъ ты, который охранялъ колыбель и какъ бы гнѣздо моихъ научныхъ занятій, ты же поддерживалъ и мои первые опыты, когда я осмѣлился летать. Даже когда я, въ твое отсутствіе и безъ твоего вѣдома, отплылъ по морю, ты нисколько не разсердился за то, что я по обыкновенію не посоветовался о томъ съ тобою, и подозрѣвая въ этомъ все что угодно кромѣ пренебреженія, остался въ дружбѣ непоколебимымъ; и тебя не болѣе занимали оставленные на глазахъ твоихъ учителя дѣти, чѣмъ тайныя стремленія и чистота моего сердца.

Наконецъ, если я пользуюсь какииъ нибудь покоемъ; если я избѣжалъ оловъ лишнихъ прихотей, если, сложивъ съ себя тягости мертвыхъ заботъ, я перевожу духъ, прихожу въ чувство, возвращаюсь къ самому себѣ; если ищущь особымъ стараніемъ истину; если начинаю уже находить ее; если надѣюсь, что достигну самаго высшаго ея предѣла: то это ты одушевилъ меня; ты далъ мнѣ толчекъ; ты это едѣлалъ. А чѣмъ ты былъ служителемъ, я прозираю пока болѣе вѣрою, чѣмъ понимаю разумомъ. Ибо когда я лично излагалъ тебѣ внутреннія движенія моей души, и съ силою и часто увѣрялъ тебя, что никакая фортуна не кажется мнѣ счастливою кромѣ той, которая дастъ досугъ для философ-

ствованія: что иѣтъ блаженной жизни кромѣ той, которая проводится въ философіи; но что самъ я связанъ обязанностями въ отклоненіи къ роднымъ, жизнь которыхъ зависитъ отъ исполненія мною своего долга, и множествомъ нуждъ, раждаемыхъ или ложнымъ стыдомъ моимъ, или безвыходною бѣдностію родныхъ: то ты припелъ въ такой восторгъ, такъ воспламенился святымъ желаніемъ этой жизни, что сказалъ о себѣ, что если бы ты какимъ либо образомъ сбросилъ съ себя оковы извѣстныхъ добучливыхъ тяжбъ, то разбить бы и мои оковы, сдѣлавъ меня участникомъ въ своемъ имуществѣ.

И послѣ того, какъ придавъ намъ возбужденія, ты оставилъ насъ, мы никогда не переставали жаждать философіи, и не думали рѣшительно ни о чемъ другомъ, кромѣ той жизни, о которой рѣшили и согласились между собою. Дѣйствуя въ этомъ направленіи постоянно, мы хотя дѣйствовали и съ недостаточною твердостью, думали однако, что дѣлали довольно. И такъ какъ не было еще того пламени, которое, разгорѣвшись до высшей степени, имѣло охватить насъ,—мы считали величайшимъ пламенемъ то, которымъ слегка согрѣвались. Когда же случилось неожиданно, что нѣкоторые, полныя содержанія книги, обдавая насъ, какъ говорить Цельсинъ, благовоніями Аравіи, набросали мельчайшихъ капель драгоцѣннѣйшей масти на тотъ огонь, —онѣ раздули пожаръ неѣроятный:—да, Романіанъ, неѣроятный,—неѣроятный болѣе, чѣмъ можешь повѣрить обо мнѣ ты,—даже (чего болѣе?) неѣроятный обо мнѣ для меня же самаго! Какой тогда почетъ, какая пышность человѣческая, какое желаніе пустой славы, какая наконецъ отрада и привязанность этой смертной жизни могли имѣть значеніе для меня? Я совершенно весь и вдругъ возвратился въ себя самого. Только, признаюсь я ослынулся,

какъ бы съ дороги, на ту религію, которая впушена намъ съ дѣтства и пропикла въ глубину души, но привлекала меня къ себѣ безъ моего сознанія. И вотъ съ колебаніемъ, торопливо, въ замѣшательствѣ хватаю я апостола Павла. Нѣтъ, говорю я, они не имѣли бы въ дѣйствительности такой силы, и не жили бы такъ, какъ несомнѣнно жили, если бы ихъ писанія и правила противорѣчили этому столь великому благу! Я перечиталъ его всего съ глубокимъ вниманіемъ и строгою отчетливостію.

Тогда, какъ ни малъ уже былъ озаирившій меня свѣтъ, философія явилась мнѣ въ такой красотѣ, что еслибы я могъ показать ее, не говорю уже—тебѣ, который, и не зная ее, всегда къ ней влекся съ пламеннымъ желаніемъ, но и самому врагу твоему, который, не знаю, не болѣе ли приучалъ тебя къ ней, чѣмъ отвлекалъ отъ нея,—то и онъ, отвергнувъ и забывъ и теплыя воды, и увеселительныя загородныя мѣста, и изящныя и блестящія пиры, и домашнихъ пантомимовъ, и все наконецъ, что сильно влечетъ его къ какимъ бы то ни было удовольствіямъ, полетѣлъ бы на встрѣчу ея прелестямъ съ любовію нѣжною и святою, удивленный, взволнованный желаніемъ, охваченный страстію. Ибо сестъ и у него, въ чемъ нужно признаться, нѣкоторая красота душевная, или лучше—какъ бы вѣренныя пикѣ сѣмена красоты, которая въ своихъ усиліяхъ прорасти въ истинную красоту, пускаютъ свои побѣги извивисто и безобразно между шероховатостію пороковъ и между терніемъ ложныхъ мнѣній, но все же пробиваться не перестаютъ, и тѣмъ немногимъ, кто всматривается въ чащу съ проникающею и вниманіемъ, даютъ себя замѣтить. Отсюда-то извѣстное его гостепріимство; отсюда въ его миршествахъ множество приправъ радушія; отсюда самое изящество, блескъ, высшая степень приличія во всемъ, и во всемъ разлитая тонкая наружная вѣжливость.

ГЛАВА III.

Филокалія и философія.

Это называется на вульгарномъ языкѣ филокаліею. Не пренебрегай предметомъ изъ за вульгарности названія. Ибо филокалія и философія названы почти одинаково, и представляются, и суть въ дѣйствительности, какъ бы родныя между собою. Ибо что такое философія? — Любовь къ мудрости. А что филокалія? — Любовь къ прекрасному. Справься у грековъ. А что такое мудрость? Развѣ она не есть истинно-прекрасное? Итакъ онѣ совершенно родныя сестры, и родились отъ одного и того же отца; но хотя эта и совлечена снзвани похоти съ неба, и заперта простонародьемъ въ кѣтку, однако сходство имени удержала, для напоминанія долицу, чтобы онъ не презиралъ ее. И ее-то, опозоренную, безъ крыльевъ, въ нуждѣ, свободно наряжая сестра узнать часто, но освобождаетъ рѣдко; ибо филокалія и не знала бы, откуда ведетъ родъ свой, если бы не философія. Всю эту басню (такъ какъ я неожиданно сдѣлался Эзопомъ) Лиценцій сообщить тебѣ въ болѣе пріятномъ видѣ, въ стихахъ; ибо онъ поэтъ почти порвостепенный. Итакъ онъ, еслибы, немножко похлывъ и раскрывъ глаза, могъ увидѣть красоту истинную, будучи любителемъ только ложной, — съ какимъ наслажденіемъ онъ принялъ бы къ лону философію? А узнавъ тамъ тебя, съ какими истинно-братскими объятіями онъ встрѣтилъ бы тебя? Ты удивляешься этому, и можешь быть смѣешься. А если я повею это соотвѣтственно высказанному положенію? Что если бы онъ по крайней мѣрѣ голосъ философіи (такъ какъ лица ея еще и ты видѣть не могъ) могъ слышать? Удивляйся, пожалуй, но не смѣйся, не отчаивайся. Повѣрь мнѣ, что отчаиваться не слѣдуетъ ни за кого, а за такихъ менѣе всего. Есть достаточно примѣровъ, что этотъ родъ пернатыхъ легко усвоитъ-

заетъ, легко улетаетъ, въ великому удивленію многихъ заключенныхъ.

Но возвратимся къ себѣ. Начнемъ, говорю, философствовать мы, Романіанъ. Скажу тебѣ пріятную вѣсть: сынъ твой уже началъ занятія философіею. Я его сдерживаю, чтобы, изучивъ предварительно необходимыя науки, онъ приобрѣлъ болѣе силу и твердости. За свое же знакомство съ этими науками,—если я хорошо тебя узналъ,—ты не бойся. Тебѣ я желаю только свободнаго воздуха. Ибо что могу сказать я о твоихъ природныхъ дарованіяхъ? Если бы они не были такъ рѣдки въ людяхъ, какъ они несомнѣны въ тебѣ! Останется два затрудненія и препятствія къ открытію истины; но я и за нихъ немного опасуюсь въ отношеніи къ тебѣ. Я боюсь, чтобы ты не презиралъ себя и не отчаявался въ возможности найти, или не подумать, что ты уже нашелъ ее. Если первое есть въ тебѣ, то его можетъ устранить послѣдующее состязаніе. Ибо ты часто сердился на Академиковъ,—сердился тѣмъ больше, чѣмъ менѣе ихъ изучилъ, но и тѣмъ охотнѣе, чѣмъ большею любовью ваялся въ истинѣ. Итакъ, съ дозволенія твоего, я вступлю уже въ состязаніе съ Алипіемъ, и легко заставляю тебя убѣдиться въ томъ, въ чемъ хочу, по крайней мѣрѣ какъ—въ вѣроятномъ. Ибо самой истины ты не увидишь, пока въ философію не войдешь всецѣло. Что же касается втораго, т. е. что ты можешь воображать, что нашелъ что нибудь, хотя ты оставилъ насъ ищущими и сомнѣвающимися: то если бы и завралось въ твою душу какое либо суевѣріе, оно будетъ конечно выброшено, какъ скоро я поплачу тебѣ нѣкое состязаніе между нами »о границѣхъ¹⁾», или какъ скоро поболѣе поговорю съ тобою лично.

¹⁾ De Regione, сочиненіе не встрѣчающееся между дошедшими до насъ сочиненіями блаж. Августина.

Ибо въ настоящее время я не дѣлаю ничего другаго, какъ только очищаю себя самого отъ ложныхъ и пагубныхъ мнѣній. Поэтому не сомнѣваюсь, что мнѣ лучше, чѣмъ тебѣ. Есть лишь одно, въ чемъ я завидую твоей fortunѣ, это—что ты одинъ пользуешься моимъ Люцилємъ. Но можетъ быть завидно и тебѣ, что я называю его моимъ? Но не называю ли я его и твоимъ, и всѣхъ тѣхъ, кто составляетъ одно? Но зачѣмъ однакоже мнѣ просить тебя, чтобы облегчилъ ты мою скуку за нимъ? Попроси ты за меня самъ себя, сколько знаешь, потому что это долгъ твой. По я скажу вамъ обоимъ: остерегайтесь почестъ себя знающими что либо кромѣ того, что вы изучили по брайнсей мѣрѣ до такой степени, до какой знаете, что одинъ, два, три и четыре, сложенные вмѣстѣ, даютъ въ суммѣ десять. А вмѣстѣ съ тѣмъ берегитесь прійти къ мысли, что вы въ философіи истины не узнаете, или что она и не можетъ никонимъ образомъ быть познана. Повѣрьте мнѣ, или лучше — тому, кто говоритъ: *Ищите, и обряцете* (Матѳ. VII. 7), что въ познаніи ея не слѣдуетъ отчаяваться, и что она будетъ ясенѣе, чѣмъ вышеприведенныя числа. Теперь приступимъ къ предположенному. Немного поздно сталъ я опасаться, чтобы это начало не перешло мѣры, и опасаться не безъ основанія. Ибо мѣра безъ всякаго сомнѣнія божественна. Но она обольстила меня, потому что пріятно вела. Буду осмотрительнѣе, когда сдѣлаюсь мудрымъ.

ГЛАВА IV.

Состязаніе 1.

Повторяется подвергнутое обсужденію въ первой книгѣ.

Послѣ предыдущаго разговора, изложеннаго въ первой книгѣ, мы въ продолженіи семи почти дней состязаніемъ не

занимались, хотя перечитали только три книги Виргилія, послѣ первой, и объясняли ихъ, когда время казалось для того удобнымъ. Однакоже при этихъ занятіяхъ Лиценцій до такой степени увлекся изученіемъ поэзіи, что мнѣ показалось необходимымъ нѣсколько поощрять его. Ибо отвѣсать себя отъ этого занятія къ какому либо другому предмету онъ уже позволять не охотно. Впрочемъ напоследокъ, когда я, насколько могъ, восхвалялъ свѣтъ философіи, онъ безъ принужденія приступилъ къ разсмотрѣнію отложеннаго нами вопроса объ Академикахъ; и по счастію выпалъ такой свѣтлый день, что ни къ чему другому не казался болѣе подходящимъ, какъ къ свѣтлому успокоенію нашихъ душь. Итакъ мы оставили пораньше свои обычныя постели и занялись немножко съ поселянами, какъ того требовало время года. Затѣмъ Аліпій сказалъ: Прежде чѣмъ услышу вашу споръ объ Академикахъ, я попрошу прочитать мнѣ ту вашу рѣчь, которая, по вашимъ словамъ, закончена въ мое отсутствіе; ибо въ противномъ случаѣ,—такъ какъ поводъ къ настоящему состизанію возникъ отсюда,—я могу или ошибаться, или понимать дѣло съ крайнимъ трудомъ. — Когда это было сдѣлано, и мы увидѣли, что на то пошло почти все до-полуденное время, мы рѣшили возвратиться домой съ поля, по которому прохаживались. — При этомъ Лиценцій сказалъ: прошу тебя, не поставь себѣ въ трудъ повторить мнѣ до обѣда въ короткихъ словахъ мнѣніе Академиковъ во всей его полнотѣ, чтобы я не упустилъ изъ него чего либо, служащаго въ мою пользу. — Изволь, говорю, и тѣмъ охотиѣе, что иначе, занятый этою мыслию, ты не будешь обѣдать. — Нѣтъ, сказалъ онъ, на этотъ счетъ ты можешь быть покоенъ: я замѣчалъ часто, что многіе, а особенно мой отецъ тѣмъ больше ѣсть, чѣмъ болѣе озабоченъ. Да и ты самъ, когда я работалъ мыслию надъ извѣстными метрами, не вынесъ изъ опыта того убѣжденія, чтобы моя озабочен-

ность оставляли столь нетронутымъ. Я удивляюсь обыкновенно самъ про себя: какъ это выходитъ, что тогда-то мы съ особымъ аппетитомъ и налегаемъ на пищу, когда душа наша устремлена на другое? Или что бы такое значило, что когда и руки и зубы наши заняты, душа надъ нами властвовать?—Выслушай лучше, говорю я, что спрашивалъ объ Академикахъ; потому что иначе, занятый своими метрами, ты будешь не только въ пищѣ, но и въ вопросахъ безъ метра ¹⁾. А если я что либо скрою въ пользу своего мнѣнія, пусть уличитъ меня Аллій. — Съ твоей стороны нужна полная добросовѣстность, отвѣчалъ Аллій; потому что сдѣлбы пришлось опасаться, что ты чтонибудь скроешь; то мнѣ, думаю, съ трудомъ удалось бы уличить того, отъ кого, какъ извѣстно всякому меня знающему, я самъ это изучалъ; а особенно потому, что побужденія къ раскрытію истины будутъ лежать для тебя не въ желаніи побѣды, а въ сердца твоемъ.

ГЛАВА V.

Положенія Академиковъ.

Поступлю добросовѣстно, говорю я, такъ какъ ты въ правѣ этого требовать.—Академики полагаютъ, что человѣкъ не можетъ достигнуть познанія тѣхъ только вещей, которыя относятся къ философіи (потому что Карнеадъ утверждалъ, что объ остальномъ онъ не заботится); тѣмъ не менѣе одинаково человѣкъ можетъ быть мудрымъ, и все дѣло мудраго они (какъ и ты, Лиценцій, говорилъ въ прежней рѣчи) составляли въ изысканіи истины. Отсюда выводилось, что мудрый не довѣряетъ ничему: ибо онъ необходимо заблуждался бы (что со стороны мудраго преступно), еслибы довѣрялъ вещамъ сомнительнымъ. А что все сомнительно, они не только говорили, но и подтверждали многочислен-

говомъ метръ—metrum, которое
опредѣлено и мѣромъ, и мѣромъ мѣра.

нѣйшими доказательствами. Положеніе, что истины постигнуть нельзя, они враждебнымъ образомъ вывели изъ извѣстнаго опредѣленія стоика Зенона, что за истину можно принять то, что такъ впечатлѣлось въ душу оттуда, откуда было, какъ не могло впечатлѣться оттуда, откуда не было. Короче и яснѣе это выражается такъ: истина можетъ быть познаваема по тѣмъ признакамъ, какихъ признаковъ не можетъ имѣть то, что ложно. Они и употребили все свои усилія, чтобы доказать, что распознать это рѣшительно невозможно. Отсюда и выдвинуты были въ защиту такого ученія разногласія философовъ, обманы чувствъ, сны и бѣшенства, софизмы и сориты. А такъ какъ отъ того же Зенона узнали они, что нѣтъ ничего недостойнѣе, какъ мнѣніе, то и построили весьма лукаво такое положеніе: если—де познать ничего нельзя, а мнѣніе весьма недостойно, то мудрый ничего никогда не станетъ утверждать.

Это возбудило противъ нихъ большую ненависть. Казалось совершенно послѣдовательнымъ, что тотъ не станетъ и ничего дѣлать, кто ничего не утверждаетъ. Казалось, что Академики изображали своего мудреца, котораго считали ничего не утверждающимъ, всегда спящимъ и уклоняющимся отъ исполненія всякихъ обязанностей. Вслѣдствіе этого они, вводили нѣчто вѣроятное, что называли также истинно-подобнымъ, стали утверждать, что мудрый никоимъ образомъ не перестаетъ исполнять обязанности, такъ какъ имѣетъ чему слѣдовать. Но истина—де скрывается отъ него, или потому, что заслонена нѣкоторымъ естественнымъ мракомъ, или потому, что не выдѣляется изъ множества подобныхъ вещей. Впрочемъ, они называли великою дѣятельностію мудраго и самое воздержаніе и какъ бы колебаніе въ довѣріи. — Мнѣ кажется, что я изложилъ коротко все, какъ ты, Аппій, желалъ, и ни въ чемъ не отступилъ отъ твоего требованія, т. е. поступилъ, какъ говорится, добросовѣстно.

Если же что сказалъ не такъ, какъ оно есть, или чего быть можетъ не сказалъ, то сдѣлалъ это невольно. То добросовѣстно, что высказывается по лучшему уразумѣнію. Человѣкъ долженъ смотрѣть на человѣка обманувшагося какъ на такого, котораго слѣдуетъ учить, а на обманивающаго какъ на такого, котораго слѣдуетъ опасаться: первый изъ нихъ требуетъ добраго учителя, а послѣдній осторожнаго ученика.

Тогда Аппій сказалъ: Я очень благодаренъ тебѣ, что ты и Лиценція удовлетворилъ, и съ меня снялъ тяжелое бремя. Ибо не столько слѣдовало опасаться тебѣ сказать чтонибудь менѣе, ради испытанія меня (ибо какъ и могло это быть иначе?), сколько мнѣ, еслибы въ чемънибудь оказалось необходимымъ уличить тебя. Не побуждай же объяснить и то, чего недостаетъ не столько вопросу, сколько самому спрашивающему, — различіе новой Академіи отъ древней. — Признаюсь, сказалъ я, это рѣшительно скучная вещь. Ты окажешь мнѣ благодѣніе (ибо я не могу отрицать, что и это, о чемъ упоминаешь, весьма относится къ дѣлу), если, пока я отдохну нѣсколько, потрудишься различить при мнѣ эти школы и объяснишь происхожденіе новой Академіи. — Я подумалъ бы, отвѣчалъ онъ, что ты рѣшилъ отбить охоту отъ обѣда и у меня, если бы не считалъ тебя гораздо болѣе перепуганнымъ недавно Лиценціемъ, и еслибы его требованіе не заставляло насъ именно распутать ему до обѣда все, что есть въ этомъ запутаннаго. — Но когда онъ хотѣлъ продолжать, наша мать (ибо мы были уже дома) такъ настойчиво стала звать насъ къ обѣду, что говорить уже было некогда.

ГЛАВА VI.

С о с т я в а н і е 2.

Разрывъ между древнею и новою Академіею.

Потомъ, когда мы приняли столько нищѣ, сколько было достаточно для удовлетворенія голода и возвратились на лугъ, Аліпій сказалъ: Повинуюсь твоему приговору и не смѣю отказываться. Но если ничто отъ меня не усвоится, я буду обязанъ за то благодарностію какъ твоему ученію, такъ и своей памяти. А если бы и случайно въ чемъ ошибся, ты поправишь ошибку, чтобы на будущее время я не боялся подобнаго рода порученій. По моему мнѣнію, разрывъ не столько произошелъ у новой Академіи съ древнею, сколько возбужденъ у ней со стойками. Разрывомъ и не слѣдуетъ еще считать то, что потребовалось разрѣшить и подвергнуть обсужденію новый вопросъ, внесенный Зенономъ. Мысль о невозможности воспріятія не безъ основанія считается присущею умамъ и древнихъ Академикомъ, хотя никакія столповенія ее впередъ не выдвигали. Доказать это легко авторитетомъ самого Сократа, Платона и другихъ древнихъ, которые думали, что они до тѣхъ лишь поръ могли считать себя обезпеченными отъ заблужденія, пока слѣпо не довѣрялись (впечатлѣніямъ); хотя нарочитыхъ разсужденій объ этомъ предметѣ они не ввели въ свои школы, и никогда не ставили съ полною ясностію вопроса, можетъ или не можетъ быть воспринимася истина. Когда же Зенонъ поставилъ его рѣзко и ново, и сталъ утверждать, что ничего нельзя познать, кромѣ того, что будетъ такъ истинно, что дастъ отличить себя отъ ложнаго несходными съ нимъ признаками, и что мудрый не долженъ подчиняться установившимся мнѣніямъ: тогда, услышавши объ этомъ, Архезилай сталъ отрицать возможность для человѣка от-

крыть что либо въ этомъ родѣ, а выѣстъ и возможность для мудраго вѣрять свою жизнь пагубному руководству мнѣнія. Отсюда онъ вывелъ и заключеніе, что довѣрять ничему не слѣдуетъ.

Но когда дѣло находилось въ такомъ положеніи, что древняя Академія казалась болѣе усилившеюся, чѣмъ подвергшеюся нападеніямъ, явился слушатель Филона Антиохъ, который, будучи по мнѣнію нѣкоторыхъ болѣе любителемъ славы, чѣмъ истины, привелъ во враждебное столкновеніе мнѣнія той и другой Академіи. Онъ говорилъ, что новыя Академики усиливаются ввести вещь необычную и совершенно чуждую образу мыслей древнихъ. Онъ обращался по этому предмету къ свидѣтельствамъ древнихъ физиковъ и другихъ великихъ философовъ; нападалъ онъ и на самихъ Академиковъ, которые утверждали, что слѣдуютъ истинно-подобному, хотя признавались, что самой истины не знаютъ. Собралъ онъ и много доказательствъ, которыхъ я не считаю нужнымъ приводить въ данное время. Болѣе же всего онъ защищалъ то, что мудрый можетъ воспринимать истину.—Таково, по моему мнѣнію, было разногласіе между новыми и древними Академиками. Если это было иначе, я попрошу тебя за насъ обоихъ ознакомить Лиценцію съ этимъ предметомъ болѣе обстоятельно. А если было такъ, какъ съумѣлъ передать я, то продолжите начатое состояніе.

ГЛАВА VII.

Противъ Академиковъ.

Тогда я сказалъ: Насколько успокоительно удовлетворять тебя, Лиценцій, наша болѣе длинная, чѣмъ я ожидалъ, рѣчь? Ты слышалъ, Кто таковы твои Академики?—Онъ, съ скромною улыбкою и нѣсколько взволнованный этимъ обра-

щеніемъ къ нему отвѣчалъ: Мнѣ жаль, что я съ такимъ усиленіемъ утверждалъ противъ Тригеція, что блаженная жизнь состоитъ въ изслѣдываніи истины. Самый вопросъ этотъ такъ меня волнуетъ, что я почти несчастенъ, и долженъ дѣйствительно казаться вамъ такимъ, если въ васъ есть сколько нибудь человѣколюбія. Поизъза чего однакожь я, нелѣпый, мучу себя? Развѣ я боюсь чего, имѣя опору въ такой справедливости защищаемого мнѣнія? Во всякомъ случаѣ я уступлю только истинѣ. — Правятся ли тебѣ, говорю я, новыя Академіи? — Весьма, отвѣчалъ онъ. — Итакъ, по твоему мнѣнію, они учили истинѣ? — Тогда онъ, готовый уже согласиться, но ставшій болѣе осторожнымъ въслѣдствіе усмѣлки Аліпія, нѣсколько смѣшался, а потомъ сказалъ: Повтори вопросъ. — Истинно ли, говорю я, по твоему мнѣнію, учили Академіи? — И снова долго помолчалъ онъ отвѣчалъ: Истинно ли, не знаю; но вѣроятно. Ибо я не вижу чему болѣе слѣдовать. — А знаешь ли, говорю я, что вѣроятное они называли истинopodobнымъ? — Кажется такъ, отвѣчалъ онъ. — Поэтому, говорю я, мнѣніе Академиковъ истинopodobно? — Да, сказалъ онъ. — Прошу же теперь, говорю я, слушать внимательнѣе. Еслибы кто, увидѣвъ твоего брата, сталъ утверждать, что онъ похожъ на твоего отца, а самого отца твоего не зналъ бы: не показался ли онъ тебѣ безумнымъ и нелѣпымъ? — И послѣ этого онъ долго молчалъ, а потомъ сказалъ: Мнѣ это не кажется несообразностію.

— Когда я началъ было возражать ему, онъ сказалъ: Прошу тебя, подожди немножко. Потомъ, улыбаясь, говоритъ: Скажи мнѣ, пожалуйста, ты уже увѣренъ въ своей побѣдѣ? — На это я отвѣчалъ: Положимъ, что увѣренъ; но ради этого ты не долженъ оставлять защиту своего мнѣнія, особенно потому, что это состязаніе предпринято нами ради твоего упражненія и для сообщенія уму глубости въ спорахъ. — Да развѣ я читалъ Академиковъ, отвѣчалъ

онъ, или настолько знакомъ съ науками, во всеоружіи которыхъ ты выступишь противъ меня?—Академиковъ, говорю я, не читали и тѣ, которые впервые защищали это мнѣніе. А если тебѣ не достаетъ учености и большого запаса свѣдѣній, то все же умъ твой не настолько долженъ быть безсиленъ, чтобы ты, когда еще не сдѣлали никакого нападенія, уступилъ нѣсколькимъ моимъ словамъ и вопросамъ. Но я начинаю уже опасаться, чтобы Алипій не заступилъ тебя скорѣе, чѣмъ я желаю бы того; а имѣя его своимъ противникомъ, и буду считать себя не въ такой степени безопаснымъ. — О еслибы, отвѣчалъ онъ, и быть уже побѣжденнымъ, чтобы услышать, наконецъ, а еще лучше — увидѣть васъ разсуждающими: болѣе счастливаго зрѣлища мнѣ не можетъ представиться. Такъ какъ вамъ все это угодно какъ бы сливать (*ex сосудахъ*), а не разливать, потому что выпадающее изъ устъ вы ловите стилемъ и не позволяете, какъ говорится, падать на землю, и все это можно будетъ вамъ прочесть: то, когда поднесутъ это къ глазамъ своимъ сами тѣ, между которыми ведется рѣчь, наполнить ли это превосходное состязаніе душу ихъ особою пользою — не знаю, но что наполнить большимъ удовольствіемъ, это — нѣрно.

— Благодаримъ, сказалъ я. Но эта неожиданная радость твоя заставила тебя необдуманно сказать, что для тебя не могло бы представиться болѣе счастливаго зрѣлища. А если ты увидишь своего отца, который, послѣ столь долгой жажды прижавъ съ большимъ, чѣмъ кто нибудь, жаромъ къ философіи, станетъ размышлять и разсуждать съ нами объ этомъ? Я буду считать себя въ то время счастливейшимъ, чѣмъ когда нибудь; а ты что найдешь для себя приличнымъ чувствовать и говорить?— При этомъ онъ прослезился; и когда былъ въ состояніи говорить, поднявъ руки и глаза къ небу, сказалъ: Когда, о

Боже, увижу я это? Но надежды на Тебя не должно терять ни въ чемъ.—Когда при этомъ мы почти всѣ, отвлекшись вниманіемъ отъ предмета состязанія, готовы были отдаться слезамъ, я, преодолевая себя, и едва приходя въ себя, сказалъ: Мужайся, и соберись съ силами, заpastись которыми, откуда можно, я задолго прежде совѣтовалъ тебѣ, будущему защитнику Академіи,—заpastись не для того, разумѣется, чтобы дрожь охватила твои члены еще до звука трубы, или чтобы изъ желанія посмотрѣть на чужое, ты тотчасъ же и пожелалъ бы быть въ плѣну.—Тогда Тригений, замѣтивъ, что лица наши уже достаточно просвѣтлѣли, сказалъ: А почему же бы этому столь святому человѣку и не пожелать, чтобы Богъ далъ ему это прежде его о томъ молитвъ? Только вѣруй, Лиценцій; потому что когда ты не находишь что отвѣчать, а между тѣмъ еще желаешь быть побѣдителемъ, то кажешься мнѣ человѣкомъ малой вѣры.—Мы разсмѣялись.—Тогда Лиценцій сказалъ: Болтай, блаженный не только тѣмъ, что истины не находишь, но даже тѣмъ, что и искать-де ее не слѣдуетъ.

Когда отъ этой шутливости юношей мы стали веселѣе, я сказалъ: Впикни же въ вопросъ, и вступи снова на ту же дорогу съ большею, если можешь, твердостью и силою.—Готовъ, отвѣчалъ онъ, насколько могу. Предположимъ, что тотъ, кто смотритъ на брата моего, благодаря молвѣ, прослышалъ, что онъ похожъ на отца: можетъ ли онъ быть названъ безумнымъ или вслѣднымъ? — А по крайней мѣрѣ глупымъ, говорю я, можетъ быть названъ? — Нисколько, отвѣчалъ онъ; развѣ сталъ бы утверждать, что знаетъ это. Если же онъ приметъ лишь за вѣроятное то, что распространила молва,—его нельзя упрекать ни въ какомъ безразсудствѣ.—Тогда я: Остановимся нѣсколько на этомъ предметѣ и представимъ дѣло какъ бы происходящимъ передъ нашими глазами. Пусть воображаемый нами человѣкъ, кто

бы онъ тамъ ни былъ, стоитъ здѣсь. Приходить откуда бы то ни было брать твой. Тотъ спрашиваетъ: »Этотъ отрокъ чей сынъ?« — Ему отвѣчаютъ: Нѣкоего Романіана. — На это онъ: »Какъ онъ похожъ на отца; какіе вѣрные дошли до меня объ этомъ слухи!« — При этомъ ты или другой кто спросилъ бы: А ты добрый человѣкъ знаешь Романіана? — »Нѣтъ, не знаю, отвѣчаетъ онъ; однакоже (отрокъ) мнѣ кажется похожимъ на него«... Могъ ли бы кто удержаться при этомъ отъ смѣха? — Никонимъ образомъ, отвѣчалъ онъ. — Итакъ, говорю, ты видишь самъ, что отсюда слѣдуетъ. — Вижу давно, сказалъ онъ; но желаю слышать это заключеніе отъ тебя. Поймавъ въ клѣтку, ты долженъ и покормить пойманнаго. — Отъ чего же и не сдѣлать заключенія, говорю я? Само дѣло говорить, что подобнымъ же образомъ слѣдуетъ смѣяться и надъ твоими Академиками, которые говорятъ о себѣ, что они въ жизни слѣдуютъ истинноподобному, между тѣмъ какъ что такое сама истина, — не знаютъ.

ГЛАВА VIII.

Увертка Академиковъ.

Тогда Тригемій сказалъ: Мнѣ кажется, что осмотрительность Академиковъ далеко непохожа на неслѣпость того человѣка, котораго ты представилъ. До того, что они называютъ истинноподобнымъ, они доходятъ разумнымъ путемъ: а тотъ неслѣпый руководится молвою, значеніе которой ничтожнѣе всего. — Да развѣ онъ не былъ бы еще неслѣпѣе, говорю я, еслибы сказалъ: Хотя я и отца его не знаю, и молва не доходила до меня, чтобы онъ похожъ на отца, однако онъ кажется мнѣ похожимъ. — Дѣйствительно, неслѣпѣе, отвѣчалъ онъ. Но въ чему это? — А въ тому, говорю я, что таковы же и тѣ, которые говорятъ: Хотя истины мы

я не знаемъ, однако то, что мы видимъ, непохоже на то, чего не знаемъ. — Они говорятъ — вѣроятно, замѣтилъ онъ. — Что ты хочешь этимъ сказать, говорю я ему? Не отрицаешь ли, что они говорили объ истинноподобномъ? — Онъ отвѣчалъ: Я сказалъ это для того, чтобы устранить представленное тобою подобіе. Ибо мнѣ кажется, что молва не кстати втянута въ вашъ вопросъ; потому что Академики не вѣрны и глазамъ человѣческимъ, хотя бы у молвы ихъ были не только тысячи, какъ представляютъ поэты, но и съ чудовищными зрачками. Впрочемъ, какой изъ меня защитникъ Академій? Развѣ не желаете ли вы и меня втянуть въ этотъ вопросъ? Есть же воть у тебя Алипій. Пусть его приходъ принесетъ намъ праздникъ. Полагаемъ, что ты не напрасно побаиваешься его.

— Когда при этомъ произошло молчаніе, глаза обоихъ обратились на Алипія. Тотъ сказалъ: Я дѣйствительно желать бы, насколько позволяютъ мои силы, помочь сколько нибудь защищаемой вами сторонѣ, если бы ваша неудача, какъ плохое предзнаменованіе, не наводила на меня страха. Впрочемъ, если надежда не обманываетъ меня, я легко избѣгну этой опасности. Меня ободряетъ при этомъ то обстоятельство, что тперешній противникъ Академій принялъ на себя обязанности Тригедія почти уже побѣжденнаго, по который теперь въ вашемъ сознаніи вѣроятно уже обратился въ побѣдителя. Больше боюсь я того, что мнѣ пельзя будетъ избѣжать упрека за пренебреженіе обязанности оставленной, и за безстыдное принятіе на себя новой. Вы, полагаю, не забыли, что на меня была возложена обязанность судьи. — На это Тригедій отвѣчалъ: То само по себѣ, а это само по себѣ. Мы просимъ, чтобы ты на нѣкоторое время считалъ себя частнымъ человѣкомъ. — Изволь, сказалъ онъ; потому что, желая избѣжать безстыдства или небрежности, я впасть бы въ сѣти гордости, порока самого худ-

шаго, если бы предоставленную мнѣ вами честь удержи-
валъ долѣе, чѣмъ вы позволяете.

ГЛАВА XI.

Необходимость войти серьезно въ разсмотрѣніе мнѣ- нія Академиковъ.

Итакъ я желалъ бы, чтобы ты, строгій обвинитель Академиковъ, объяснилъ мнѣ принятую на себя обязанность, т. е. защищая кого ты на нихъ нападаешь? Ибо я опасуюсь, что, опровергая Академиковъ, ты желаешь доказать, что ты самъ Академикъ. — Ты, полагаю, хорошо знаешь, отвѣчалъ я, что обвинителей есть два рода. Если Цицеронъ по скромности сказать, что онъ потому только является обвинителемъ Верреса, что желаетъ быть защитникомъ сицилійцевъ: то изъ этого еще не слѣдуетъ испремению, чтобы обвиняющій кого либо имѣлъ въ виду защищать другаго. — На это онъ: Такъ не имѣешь ли ты по крайней мѣрѣ чего либо такого, на чемъ твое мнѣніе установилось твердо? — На этотъ вопросъ, говорю я, отвѣчать легко, особенно мнѣ, для котораго онъ не представляется неожиданнымъ. Обо всемъ этомъ я уже разсуждалъ съ собою, и думалъ долго и много. Поэтому выслушай, Алипій, то, что, полагаю, ты уже прекрасно знаешь: я вовсе не желаю, чтобы состязаніе это было предпринято ради состязанія. Достаточно уже того, что мы дозволили себѣ прелюдію съ этими юношами, въ которой философія какъ бы любезно пошутила съ нами. Отбросимъ же въ сторону дѣтскія побасенки. Дѣло идетъ о жизни нашей, о правахъ, о душѣ, которая мечтаетъ, что она преодолѣтъ вражду всякой лжи, и позлаивъ истину, какъ бы возвращающаяся въ область своей родины восторжествуетъ надъ похотями, и сочтавшись за тѣмъ съ воздержаніемъ, какъ бы съ супругомъ, будетъ

царствовать, имѣя обезпеченнымъ для себя возвратъ на небо. Понимаешь, что я хочу сказать? Итакъ въ сторону все это. Уиражняться въ войнахъ оставимъ мужу, любителю войны. Если я когда нибудь желаю чего менѣе всего, такъ этого, чтобы между тѣмъ, кто долго со мною жилъ и часто вели разсужденія, возникло что либо такое, изъ-за чего открылось бы пѣчто въ родѣ новой борьбы. Записать же на письмо то, о чемъ мы перѣдко разсуждали между собою, я хотѣлъ ради памяти, которая не бываетъ надежнымъ хранителемъ домысловъ; а выѣсть и для того, чтобы эти юпоши научились внимательно слушать то и приобрести опытность въ нападеніи и защитѣ.

Итакъ, развѣ ты не знаешь, что я не имѣю еще ничего вѣрнаго, на чемъ могъ бы остановиться своею мнелю, а искать это вѣрнос мнѣ пренятетвуютъ доводы и разсужденія Академиковъ? Не знаю какимъ образомъ, но они возбудили въ души вѣроятность (чтобы не бросать пока ихъ выраженія), что человекъ найти истины не можетъ. Это сдѣлало меня лѣнивымъ и совершенно безпечнымъ; и я не осмѣливался искать того, чего не суждено было найти мужамъ проникательнѣйшимъ и ученѣйшимъ. Поэтому если я не буду убѣжденъ предварительно, что истину можно найти, какъ они убѣдили себя, что найти нельзя, — я не осмѣлюсь искать, и не имѣю ничего, что сталъ бы защищать. Итакъ возьми, если угодно, свой вопросъ назадъ, и лучше поразсудимъ между собою, насколько можемъ остроумно, можетъ ли быть найдена истина? Мнѣ кажется, что въ пользу своего мнѣнія я имѣю уже многое, въ чемъ и стараюсь найти для себя опору противъ ученія Академиковъ, хотя между ними и мною пока нѣтъ другой разности, кромѣ слѣдующей. Имъ показалось вѣроятнымъ, что истину найти нельзя; а мнѣ кажется вѣроятнымъ, что найти можно. Не-

въведеніе же истины или принадлежить собственно мнѣ, если они притворялись, или обще и имъ, и мнѣ.

ГЛАВА X.

Разногласіе съ Академикими касается не словъ, а дѣла.

Тогда Алиній сказалъ: Теперь я приступаю къ дѣлу безъ опасеній; ибо вижу, что ты будешь не столько обвинителемъ, сколько помощникомъ. Но чтобы отъ дѣла болѣе не уклоняться, позаботимся, прошу, прежде о томъ, чтобы въ этомъ вопросѣ, который переданъ мнѣ въ наслѣдство отступившими передъ тобою, у насъ не вышло спора изъ-за словъ. Въдѣ согласно твоимъ же наставленіямъ мы часто, пользуясь словами Цицерона, называли такой споръ дѣломъ самымъ постыднымъ. Если не ошибаюсь, когда Лиценцій сказалъ, что ему поправилась мысль Академиковъ о вѣроятности, ты спросилъ (что не колеблясь и тотъ подтвердилъ), извѣстно ли ему, что эта вѣроятность называется у нихъ истинно-подобіемъ. Что положенія Академиковъ не чужды тебѣ, я хорошо знаю, потому что отъ тебя же они извѣстны и мнѣ. Если же, какъ я сказалъ, они впечатлѣны въ твоихъ мысляхъ; то изъ-за чего ты гоняешься за словами, — я не понимаю. — Повѣрь мнѣ, отвѣчалъ я, что здѣсь большое противорѣчіе, не въ словахъ, а въ самой вещи. Я не считаю этихъ мужей такими, которые не умѣли бы называть вещи ихъ именами. Но мнѣ кажется, что они выбрали эти слова для того, чтобы съ одной стороны скрыть свою мысль отъ болѣе тупыхъ, а съ другой-дать уразумѣть и болѣе проницательнымъ. Почему и какъ это мнѣ кажется, я объясню, разсмотрѣвъ прежде то, что, по общему мнѣнію, высказано ими какъ врагами человѣческаго знанія. Итакъ я очень доволенъ, что нашъ сегодняшній разговоръ коснулся этого предмета: это установить съ достаточною ясностію предметъ,

о которомъ идетъ рѣчь между нами. По моему мнѣнію тѣ мужи были вполне серьезные и разумные. Если же есть что, противъ чего мы будемъ теперь спорить, это будетъ противъ тѣхъ, которые считали Академиковъ враждебными открытію истины. Но не считай меня и запуганнымъ. Я охотно вооружусь и противъ нихъ самихъ, если то, что мы читасмъ въ ихъ книгахъ, они защищали чистосердечно, а не для сокрытія своей мысли, чтобы своего рода святыни истины не была безразсудно выдаваема умамъ нецѣломудреннымъ и какъ бы нечестивымъ. Я сдѣлалъ бы это и сегодня, еслибы закатъ солнца не заставлялъ насъ возвращаться домой.—Этимъ закончилось состязаніе въ тотъ день.

ГЛАВА XI.

Состязаніе 3.

Что такое въроятное.

На другой день, хотя погода была не очень приятная и тихая, мы едва могли освободиться отъ домашнихъ занятій. Большую часть дня мы провели преимущественно въ писаніи писемъ. Вышли мы на дугъ, когда до вечера оставалось уже не болѣе двухъ часовъ. Необыкновенная ясность неба манила насъ, и мы рѣшили не потерять по крайней мѣрѣ того времени, какое еще оставалось. Когда мы подошли къ обычному дереву и остановились, я сказалъ: такъ какъ сегодня не слѣдуетъ приниматься за вопросъ важный, то я желаю бы, юноши, чтобы вы припомнили мнѣ, какъ отвѣчалъ вчерашній день Алимпій на вопросъ, приведшій насъ въ замѣшательство. — На это Лиценцій сказалъ: Это такъ коротко, что припомнить не составляетъ труда; какъ оно легко, ты увидишь самъ. По моему мнѣнію, онъ посоветовалъ тебѣ не спорить о словахъ, когда дѣло ясно. — А до-

статочно ли вы поняли, говорю я, что это значить и какую имѣть силу? — Миѣ кажется, отвѣчалъ онъ, я понимаю, что это значить; но пояснить нѣсколько все же прошу тебя. И часто отъ тебя слышалъ, что ведущимъ состязаніе можно продолжать споръ изъ-за словъ, когда для спора о предметѣ не остается мѣста. Однако это нуждается въ болѣе тонкомъ объясненіи, чѣмъ какого слѣдуетъ требовать отъ меня.

— Въ такомъ случаѣ выслушайте, говорю я, что это такое. Академики называютъ вѣроятнымъ или истинноподобнымъ то, что можетъ вызывать насъ на дѣятельность безъ довѣрія (*sine assensione*). Говорю—безъ довѣрія въ томъ смыслѣ, что то, что мы дѣлаемъ, мы за истину не считаемъ, однако дѣлаемъ. Напримѣръ, если бы насъ кто нибудь спросилъ: взойдетъ ли послѣ вчерашней свѣтлой и безоблачной ночи ясное солнце? И думаю, что мы отвѣтили бы, что не знаемъ, но кажется-де такъ. »Такимъ, говоритъ Академикъ, и миѣ кажется все, что я принимаю называть вѣроятнымъ или истинноподобнымъ. А если ты хочешь называть это другимъ именемъ, я спорить не стану. Для меня достаточно, если ты хорошо понялъ то, что я говорю, т. е. какія вещи я этимъ именемъ называю. Ибо мудрому прилично быть не кователемъ словъ, а изслѣдователемъ вещей». Достаточно ли вы теперь поняли, какъ выбиты у меня изъ рукъ тѣ игрушки, которыми я занималъ васъ? — Когда они оба отвѣтили, что поняли, и самымъ взглядомъ просили меня продолжать, я сказалъ: Какъ вы полагаете, Цицеронъ, которому принадлежать эти слова, былъ такъ плохъ въ знаніи латинскаго языка, что давалъ предметамъ, о которыхъ мыслить, не достаточно годшя названія?

ГЛАВА XII.

Еще о вѣроятномъ и истинноподобномъ.

— Тогда Тригелій сказалъ: Мы уже рѣшили не поднимать никакихъ пустыхъ споровъ изъ-за словъ, когда предметъ ясенъ. Поэтому позаботься лучше объ отвѣтѣ тому, кто вступился за насъ, на которыхъ, отбитый, ты снова пытаешься напасть. — Но Лиценцій сказалъ: Подожди, пожалуйста; мнѣ просвѣчиваетъ что-то такое, изъ чего я вижу, что тебѣне слѣдовало бы давать такъ легко отнимать у себя столь важный аргументъ. — За тѣмъ углубившись въ размышленіе и нѣсколько помолчавъ, продолжалъ: По моему мнѣнію, нѣтъ ничего несообразнѣе, какъ утверждать, что незнающій, что такое истина, руководится истинноподобнымъ. Меня не смущаетъ и проведенное тобою сравненіе. Если бы меня дѣйствительно спросили, правда ли, что при этой ясности неба на утро не соберется дождь, я отвѣтилъ бы, что это истинноподобно, потому что не отрицаю, что знаю нѣчто истинное. Такъ я знаю, что это дерево не можетъ сейчасъ же сдѣлаться серебрянымъ, и утверждаю безъ всякаго самообольщенія, что знаю многое такое, истинное, на что нахожу похожимъ то, что называю истинноподобнымъ. Ты же, Карнеадъ, или какая другая греческая язва, чтобы пощадить своихъ (ибо зачѣмъ бы я сталъ колебаться перейти на эту сторону къ тому, которому, будучи лѣвымъ, обязанъ повиновеніемъ по праву побѣды?), — ты, который утверждаешь, что не знаешь ничего истиннаго, откуда ты получаешь это истинноподобное? Скажешь, что не могъ дать этому другаго названія? Въ такомъ случаѣ нечего намъ и толковать съ тѣмъ, кто не можетъ говорить.

— Ни я, сказалъ Алипій, не боюсь переметчиковъ, ни тѣмъ болѣе Карнеадъ, на котораго ты, не знаю — по юношескому или ребяческому легкомыслію, вздумалъ бросить

скорѣе злословіемъ, чѣмъ стрѣлою. Ибо въ подтвержденіе его мнѣнія, доведеннаго имъ до всяческой вѣроятности, ему вполне было бы достаточно слѣдующаго. Насколько мы удалены отъ познанія истины, тому великимъ доказательствомъ можешь послужить себѣ самъ же ты, который однимъ маленькимъ возраженіемъ такъ выбить изъ своего мѣста, что не знаешь уже, куда тебѣ стать. Но отложимъ это до другаго времени, вмѣстѣ съ тѣмъ знаіемъ твоимъ, которое, по недавнимъ словамъ твоимъ, впечатѣлось въ тебѣ объ этомъ деревѣ. Хотя ты и перешолъ уже на другую сторону однако долженъ внимательно поразмыслить надъ тѣмъ, что я только что сказалъ. Какъ полагаю я, мы не дошли еще до вопроса о томъ, можетъ ли быть найдена истина; но надъ самымъ преддверіемъ мосіизацїи, въ которомъ я видѣлъ тебя нагимъ и простертымъ на зѣмль, я наполю пужнымъ надинсать лишь одно, т. е., что истинноподобнаго ли то, или вѣроятнаго, или называемаго другимъ, какимъ можно именемъ, что Академики считаютъ для себя достаточнымъ, искать не слѣдуетъ. Ибо, если ты кажешься самому себѣ уже прекраснымъ находчикомъ истины,—это меня пока не касается. Послѣ, если не отплатишь за мое покровительство неблагодарностью, можешь быть научишь и меня тому же.

ГЛАВА XIII.

Скрывали ли Академики свое знаніе истины.

— Такъ какъ Лиценцій испугался нападенія Алипія, я сказалъ: Ты, Алипій, высказалъ все, за исключеніемъ лишь того, какъ слѣдуетъ разсуждать съ такими, которые говорить не умѣютъ. — На это онъ: Издавна извѣстно всѣмъ и въ настоящее время достаточно доказывается твоею преподавательскою дѣятельностію, что ты искусенъ въ словѣ. По

этому я желалъ бы, чтобы ты объяснилъ прежде, съ какою цѣлю ты дѣлалъ этотъ допросъ. Если онъ, какъ мнѣ думается, былъ излишнимъ, то тѣмъ болѣе излишне было отвѣчать на него, если же имѣлась въ виду какая либо цѣль, но я не могъ ее себѣ уяснить; то я попрошу тебя не потяготиться припять на себя обязанность наставника. — Ты помнишь, отвѣчалъ я, что вчера я общалъ говорить объ извѣстныхъ словахъ послѣ. Но теперь вонъ это солнце убѣждаетъ меня попятать въ ящики выложенныя для дѣтей игрушки, тѣмъ болѣе, что я и выкладывалъ ихъ скороѣ для украшенія, чѣмъ для продажи. Теперь, прежде чѣмъ стилемъ нашимъ овладѣетъ мракъ, обыкновенный покровитель Академиковъ, я желалъ бы установить между нами съ полнѣйшею ясностію тотъ вопросъ, для разсмотрѣнія котораго намъ нужно будетъ встать рано съ утра. Итакъ прошу отвѣтить мнѣ: Думаешь ли ты, что Академики имѣли точное понятіе объ истинѣ, но не хотѣли безразсудно выдавать его душамъ несвѣдущимъ или печистымъ? Или они такъ и думали, какъ излагается въ ихъ разсужденіяхъ?

— На это онъ сказалъ: Что они говорили искренно, это я докажу съ основательностію. Насколько можно заключать по книгамъ, ты лучше меня знаешь, что они обыкновенно обнаруживали въ словахъ свое мнѣніе. А если ты спрашиваешь меня о моемъ личномъ мнѣніи, то я думаю, что истина еще не найдена. Прибавлю даже (хотя ты спрашивалъ объ Академикахъ), что по моему мнѣнію она и не можетъ быть найдена, и это не только по зазѣвшему — какъ всегда почти укорялъ ты — во мнѣ мнѣнію, но и по основаніи авторитета многихъ и знаменитѣйшихъ философовъ, предъ которыми, не знаю — слабость ли наша, или ихъ прозорливость заставляетъ насъ преклонять головы, хотя намъ и слѣдовало бы уже убѣдиться, что найти ничего нельзя. — Вотъ этого-то я и желалъ, отвѣчалъ я. Ибо

я опасаяся, чтобы состязаніе наше не осталось одностороннимъ, если бы и ты оказался одного со мною мнѣнія; потому что тогда не было бы никого, кто съ противной стороны побуждалъ бы овладѣвать предметомъ, чтобы по возможности лучше рассмотреть его. Еслибы это случилось, я готовъ былъ просить тебя взять сторону Академиковъ такъ, чтобы казалось, что ты не только спорилъ, но и дѣйствительно былъ убѣжденъ, что истины познать нельзя. Итакъ между нами идетъ рѣчь о томъ, вѣроятно ли, на основаніи приводимыхъ ими доказательствъ, что воспріять нельзя ничего и что не слѣдуетъ ничему довѣрять? Если ты докажешь это, я уступлю охотно. Но если я буду въ силахъ доказать, что гораздо вѣроятнѣе, что мудрый можетъ дойти до истины, а равно — что не 'всегда слѣдуетъ устранять довѣріе; то у тебя, полагаю, не останутся причины, почему бы тебѣ не пристать къ моему мнѣнію. — Когда онъ и всѣ присутствовавшіе съ этимъ согласились, мы возвратились, въ вечернемъ уже сумракѣ, домой.